

Г. Эрмс.
1942. Якутия

О ЯЗЫКЪ ЯКУТОВЪ.

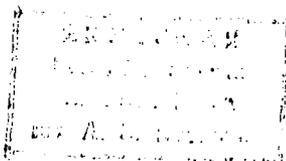
Опытъ изслѣдованія отдѣльнаго языка въ связи съ современнымъ состояніемъ всеобщаго языкознанія.

О. БЕТЛИНГА *).

Кр. 20225

Однимъ изъ первыхъ лингвистовъ нашего времени, профессоръ Поттъ, тщательно изслѣдовавшій множество языковъ совершенно разнаго происхожденія, предлагаетъ слѣдующее физіологическое дѣленіе всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ на разряды: 1) языки всераздробляющаго образованія или безоставныя (isolirende), въ которыхъ матерія (корень, главное понятіе) и форма (словопроизводный и флексивный элементъ, придаточное понятіе) стоятъ совершенно порознь другъ отъ друга; 2) языки приставочнаго образованія (agglutinirende), въ которыхъ матерія и форма соединяются между собою почти только *внѣшнимъ образомъ* (таковы: татарскій [т. е. маңдакурскій и монгольскій], тюркскій, финскій); 3) языки собственно флексивные или наращательнаго образованія, въ которыхъ матерія и форма *проникаютъ* другъ друга и сливаются въ одно, нераздѣльное цѣлое. Этотъ классъ г-нъ Поттъ признаетъ собственно нормальнымъ, и какъ первые два остаются ниже нормы, такъ другіе языки, и особенно американскіе, выходятъ за

*) Въ подлинникѣ составляетъ введеніе къ сочиненію: Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. Von Otto Böhtlingk. Besonderer Abdruck des dritten Bandes von Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg. 1831. LIV, 300, 97 и 184 стр. №-40.

предѣлы нормы: этотъ транснормальный классъ составляютъ языки 4) полнентетические или всесовокупляющаго образования¹⁾).

Противъ этого дѣленія самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаетъ г. Штейнталь. Въ своемъ сочиненіи, сейчасъ указанномъ нами въ примѣчаніи, на стр. 9, онъ возражаетъ: «Вмѣсто того, чтобы тотчасъ разсуждать объ отношеніи между матеріей и формой, не должно ли было прежде задать вопросъ: «во всѣхъ ли языкахъ вообще есть матерія и форма? И если во всякомъ языкѣ можно что-нибудь принимать и за матерію и за форму, то не пужно ли было прежде рассмотреть существо той и другой отдѣльно?» А на стр. 72 г. Штейнталь говоритъ: «Формальная сторона содержанія ни одному народу не можетъ оставаться вовсе недоступною; но различное, даже противоположное существо содержанія и формы и ихъ взаимное отношеніе не вездѣ понимаются вѣрно: стало быть, невѣрно понимается и самая форма. Принадлежащее къ формѣ въ иныхъ языкахъ ставится рядомъ съ содержаніемъ въ видѣ матеріи; стало быть, содержаніе представляется безъ формы, вслѣдствіе чего и самое представленіе, то-есть языкъ, является бесформеннымъ. Содержаніе и форма подводятся здѣсь подъ одинъ уровень и стоятъ, одно возлѣ другаго, въ видѣ матеріи. Во многихъ языкахъ матерія и форма дѣйствительно выражаются одинаково, и формальная сторона языка не отличается никакою особенностью по способу выраженія. Формальные опредѣленія содержанія выражаются какъ само содержаніе — словами, имѣющими матеріальное значеніе; отъ того языки этого рода остаются безъ формы. Верхне-азійцы напр. выражаютъ категорію мѣстнаго и дательнаго надежей корнями, означающими *стоять, пребывать* (Schott's Versuch über die tatarischen Sprachen, стр. 56). Они же, какъ и многіе другіе народы, выражаютъ категорію множественности словами *много, все*. Если же

1) Steinthal, Die Classification der Sprachen dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin 1850, стр. 7. Сочиненія «Jahrbücher der freien deutschen Akademie», гдѣ Поттъ помѣстилъ свою классификацію, я не имѣю подлѣ рукою. По словамъ Штейнтала, Поттъ приписываетъ это дѣленіе Гумбольдту, но въ немъ, по его же замѣчанію, Гумбольдту принадлежатъ только названія классовъ, а ихъ опредѣленія самому Потту.

«въ языкахъ этого рода встрѣчаются частные (sic!) случаи, гдѣ «подобнаго описанія формы матеріальными словами нельзя до- «казать положительно, или гдѣ возможно другое объясненіе, то «общая форма языка должна служить масштабомъ и для этихъ «отдѣльныхъ (sic!) случаевъ: и въ нихъ можно допустить толь- «ко одно общее начало, которое, при строжайшемъ разборѣ, «всегда (sic!) навѣрное (sic!) окажется на дѣлѣ.»

Несравненно осторожиѣе, и, можно сказать, даже скромнѣе отзывается объ этомъ В. Гумбольдтъ. «Было бы весьма оши- «бочно думать», говоритъ онъ, «что въ языкахъ необразован- «ныхъ каждая форма тотчасъ разлагается на элементы, ясно об- «наруживающіе свою особенность. И въ нихъ различіе формъ «образуютъ совершенно единичные звуки, которые легко можно «принять за флексивныя окончанія, вовсе не подозрѣвая меха- «ническихъ приставокъ»²⁾.

Разсмотримъ теперь нѣсколько строже приведенные г-номъ Штейнталемъ два примѣра, которые онъ взялъ, конечно, не наудачу. Категоріи мѣстнаго и дательнаго надежей у верхне-азійцевъ выражаются будто бы корнями, означающими *стоять, пребывать*: въ подтвержденіе того приводится «Опытъ» г-на Шотта. Г. Шоттъ, дѣйствительно, сравнивалъ монгольское окончаніе *dur, dūr*, и побочную его форму *da, dā*, съ тюркскимъ окончаніемъ мѣстнаго надежа *da, dā*; но о тождествѣ обоихъ съ тюркскимъ глагольнымъ корнемъ *dur* или *dor* отозвался только словомъ: *можетъ быть*. Теперь, по истеченіи пятнадцати лѣтъ, г. Шоттъ поступилъ бы въ этомъ сравненіи, можетъ быть, еще осторожиѣе, или даже вовсе отказался бы отъ него, принимая въ соображеніе, что въ тюркскомъ языкѣ, за исключеніемъ единственнаго, и притомъ еще не совѣмъ одинаковаго, окончанія въ нарѣчій *gün-düz днелъ*³⁾, нельзя указать ни малѣйшаго слѣда окончанія *dur, dūr*⁴⁾, а въ монгольскомъ языкѣ, имѣющемъ это окончаніе, въ свою очередь нѣтъ, сколько мнѣ извѣст-

2) Ueber das Entstehen der grammatischen Formen, und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung. *Gesammelte Werke*, III, стр. 288.

3) Само *gün-düz* имѣетъ еще мѣстный надежъ *gündüzdä*, и полнѣйшій видъ своей формы *gündüzün*; см. Viguier, *Éléments de la langue Turque*, стр. 207.

4) Сближать *dur* съ сохранившимся кое-гдѣ окончаніемъ дательнаго *ghar* — черезъ-чуръ смѣло.

но, глагольнаго корня *dur* или *dog* съ значеніемъ *стоять, пребывать*.

Положеніе другаго примѣра, приводимаго г-мъ Штейнталемъ, еще хуже. Правда, у Маньджуровъ и Монголовъ есть самостоятельныя слова *всь* или *многіе*, которыя, дѣйствительно, употребляются для описательнаго выраженія множественнаго числа; но у нихъ есть и настоящія окончанія множественнаго, которыхъ еще ни одинъ лингвистъ не производилъ отъ матеріальныхъ словъ⁵⁾. Монгольскій языкъ представляетъ даже такія формы множественнаго числа, въ которыхъ, вѣроятно, и самъ г. Штейнталь не откажется признать нѣчто похожее (*Anschein*) на флексивныя окончанія, какъ напр. *märgätschüt стрѣльцы* отъ *märgätschi*, *moghos змыи* отъ *moghoi*, *nojat князья* отъ *nojan*, *pököt товарищи* отъ *pökög*⁶⁾.

Я не намѣренъ, и читатель увидитъ, что мнѣ вовсе нѣтъ надобности, опровергать образованія окончаній въ такъ называемыхъ приставочныхъ языкахъ изъ самостоятельныхъ словъ: я хочу только показать опрометчивость той рѣшительности, съ какою утверждаютъ, будто въ этихъ языкахъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ нельзя навѣрное найти описанія формы матеріальными словами. Я ограничусь при этомъ тюркскими языками, потому что они всего ближе къ моему предмету, и финскимъ, потому что онѣ обработаны лучше другихъ языковъ, которые могутъ сюда относиться.

Окончаніе тюркскаго родительнаго падежа г. Шоттъ въ упомянутомъ «Опытѣ» сблизилъ съ маньджурскою частицею *ningge*, означающею отношеніе, или употребляемую въ смыслѣ относительнаго мѣстоименія⁷⁾. Позднѣе г. Шоттъ отказался отъ этого сблизенія, потому что, умалчивая о немъ, увѣряетъ, что

5) Schott, Versuch и т. д. стр. 48: «Происхожденіе всѣхъ этихъ приставокъ (окончаній мн. в. маньдж., монг. и тюр.) не ясно.» Объ *l* въ окончаніи мн. в. в тюр. на стр. 49 сказано: «догадку о происхожденіи *l* читатель найдетъ въ главѣ о послѣдней части рѣчи.» Но въ главѣ о мѣстоименіи я напрасно искалъ этой догадки. Г. Шоттъ думалъ, вѣроятно, о связи указательнаго мѣстоименія *اول* съ *ل* въ окончаніи *لر*.

6) См. Бобровникова *Грамматику Монгольско-Калмыцкаго языка*, стр. 84 и слѣд.

7) Въ «Опытѣ» на стр. 53 говорится: «Смѣло можно полагать, что тюркское окончаніе *ning* есть полная (sic!) форма верхне-азійскаго родительнаго, и дѣй-

въ своемъ «Опытѣ» онъ принималъ за первобытное окончаніе тюрко-татарскаго родительн. падежа *pe ning*, а *ing*⁸⁾. Если теперь другой ученый дѣйствительно хотѣлъ поддержать словопроизводство, признанное за неудачное самимъ г. Шоттомъ, то я считаю нужнымъ замѣтить, что, судя по отсутствію всякаго слѣда родительскаго падежа въ якутскомъ языкѣ, этотъ падежъ въ тюркскомъ развился, по всей вѣроятности, только по отдѣленіи Якутовъ отъ Тюрковъ, — стало быть, гораздо позднѣе отдѣленія другъ отъ друга Маньджууровъ и Тюрковъ. Производство формы такого поздняго образованія отъ частицы, сохранившейся дониндѣ только у Маньджууровъ, и притомъ еще не прямо въ значеніи отношенія, выражаемаго родительнымъ падежемъ, едвали можетъ быть удачно. Другое объясненіе находимъ у г. Штейнталя⁹⁾: принимая носовой звукъ въ этомъ окончаніи родительнаго за приставку мѣстоименія¹⁰⁾, онъ старается доказать тожество этого падежа съ окончаніемъ винительнаго. Окончаніе же нѣ сравниваетъ онъ съ маньджуурскимъ на *terra*, на-*ka stare*, на *status*, *nunc* и т. д. Впрочемъ онъ не вовсе отказывается производить окончаніе нѣ и отъ мѣстоименія, вслѣдствіе чего этотъ родительный, и по его взгляду, возвысился бы до настоящей грамматической формы. Окончаніе дательнаго *gha*, встрѣчаемое также въ подлиннѣйшей формѣ съ окончаніемъ на *r*, *r-ih* Шоттъ расположенъ принять за вышеупомянутое монгольское окончаніе мѣстнаго падежа *dur*¹¹⁾. Такъ какъ выше я не могъ допустить производства этого *dur* отъ тюркскаго глагольнаго корня *dur* *стоять*, то мнѣ почти нѣтъ нужды прибавлять, что я

«ствительно, у самихъ Маньджууровъ есть послѣдоложительная частица *ningge*» и т. д. По нѣсколько строкъ выше (стр. 32) говорится, напротивъ: «У Тюрко-Татаръ для выраженія родительнаго есть форма *ning*, которую можно принимать «за маньджуурское нѣ съ носовымъ прибавленіемъ» (sic!).

8) Ср. Erman, Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, т. VIII, стр. 29 и слѣд.—Bulletin historico-philologique, т. VII, стр. 64, или Mélanges asiatiques, т. I, Livr. 2, стр. 196 и слѣд.

9) De pronomine relativo, стр. 78 и слѣд.

10) То же относительное мѣстоименіе содержится будто бы и въ استانبیل الندیغی وقتدی *istānbiḷ nadiğī waqtadī* «въ то время, какъ влѣтъ Константинополь» (ibid.

стр. 96): но *ی* въ *الندیغی* есть не что иное, какъ приставка мѣстоименія 3-го лица въ родѣ слѣдующей конструкции: Константинополь, его влѣтъ, во время.

11) Versuch и т. д. стр. 36.

не могу одобрить также и сближенія оконч. *ghar* съ *dur*. Нѣтъ также надобности говорить и объ окончаніи отдалительнаго (*ablative*) падежа *dan*, потому что форма эта, по мнѣнію г. Шотта, образовалась изъ окончанія мѣстнаго падежа *da*¹²⁾, а это *da* онъ ставитъ, какъ мы видѣли, въ связь съ корнемъ *dur* *стоять*. Шаткія основанія, приводимыя г. Шоттомъ при этомъ сравненіи двухъ окончаній, существенно различныхъ по значенію, можно оставить здѣсь безъ разбора.

Перейду теперь къ падежнымъ окончаніямъ въ финскомъ языкѣ, которыя раздѣляются, какъ извѣстно, на простыя и сложныя. Простыхъ падежныхъ окончаній до сихъ поръ никто еще не производилъ отъ самостоятельныхъ словъ или корней, но одно изъ нихъ, именно окончаніе падежа вступительнаго, уже успѣло внушить мысль, что оно, можетъ быть, символическаго свойства¹³⁾: доказательство, что это окончаніе не имѣетъ ничего похожаго на матеріальное слово. Изъ сложныхъ падежныхъ окончаній одни считаются за имена, принявшія флексію къ корню, потерпѣвшему большія фонетическія потери, въ другихъ признаютъ соединеніе двухъ простыхъ падежныхъ окончаній¹⁴⁾. Въ первомъ случаѣ надежныя окончанія хотя и представляютъ въ себѣ матеріальныя слова, но вмѣстѣ съ ними представляютъ и формальный элементъ; во второмъ случаѣ къ формальному элементу присоединяется другой формальный элементъ. Даже и въ односложныхъ языкахъ, какъ напр. въ тибетскомъ, г. Штейнталу трудно было бы произвести отъ матеріальныхъ словъ надежныя окончанія или — если это выраженіе онъ найдетъ здѣсь неумѣстнымъ — частицы, замѣняющія въ языкахъ этого рода надежныя окончанія языковъ флексивныхъ.

Отстранимъ теперь вопросъ о происхожденіи падежныхъ окончаній въ тюркскихъ и финскихъ языкахъ, и посмотримъ на наружный видъ ихъ. Съ этой стороны они представляютъ въ себѣ матеріальнаго отноду не болѣе, чѣмъ индо-германскіе языки въ своихъ окончаніяхъ. Въ тюркскихъ языкахъ мы

12) Тамъ же, стр. 58.

13) Kellgren, Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den ural-altäischen Sprachstamm, стр. 50.

14) Тамъ же, стр. 51 и слѣд.

имѣемъ окончанія *ung, y, gha* (сократившееся уже и въ *a*), *dan, da*; якутское таҕар, безспорно, матеріальнѣе другихъ окончаній; за то въ финскомъ въ числѣ простыхъ окончаній мы находимъ: *n, ta* или *a, ta* или *ta'*, *na, han, ne, n*; въ санскритскомъ: *s, m* или *am, e, bhjam* (въ *tubhjam*), *as, at, i*.

О прономинальныхъ приставкахъ я буду говорить впоследствии; здѣсь же коснусь только производныхъ словъ. Въ числѣ ихъ встрѣчается множество двухсложныхъ, трехсложныхъ и даже многосложныхъ формъ, о которыхъ при первомъ взглядѣ ничего нельзя сказать опредѣленно, составляютъ ли онѣ производныя вторичнаго, третичнаго или дальнѣйшаго образованія, или, напротивъ, сложены изъ самостоятельныхъ словъ? Да и тамъ, гдѣ приставки ясно обнаруживаются, ихъ производили до сихъ поръ отъ словъ матеріальныхъ, — если только производили, — конечно, лишь въ видѣ исключеній. А въ индо-европейскихъ языкахъ, напротивъ того, узнаютъ въ словопроизводныхъ окончаніяхъ не только глагольные корни¹⁵⁾, но даже производныя слова¹⁶⁾.

Говорятъ, что Монголы и Тюрки сами признаютъ свои флексивныя окончанія наравнѣ съ предшествующими имъ матеріальными словами, ставя ихъ на письмѣ отдѣльно, какъ самостоятельныя слова: на это возраженіе я постараюсь отвѣтить ниже. Здѣсь же замѣчу только мимоходомъ, что Монголы, по графическимъ причинамъ, или, лучше, по капризамъ, нерѣдко отдѣляютъ на письмѣ конечную гласную слова даже и въ томъ случаѣ, когда эту гласную нѣтъ ни малѣйшаго основанія принимать за настоящую, полную приставку. Такъ напр. встрѣчается правописание *kilim ä osemrъ*, хотя говорится *kilimä* и въ языкѣ вовсе нѣтъ формы *kilim*, отъ которой можно было бы прозвѣсть *kilimä*.

«Какъ скоро языкъ», говоритъ г. Штейнталь¹⁷⁾, «лишаетъ формы по принципу, то онъ уже не имѣетъ ни одной настоя-

15) Такъ Бенфэй и Боннъ производятъ окончаніе причастія *tar* отъ глагольнаго корня *tar (tri)*; см. Вортъ, *Vergl. Gr. 5-te Abth.* стр. 1139 § 815.

16) Оконч. прич. прош. дѣйств. Бенфэй считаетъ за искаженіе формы *bhavant сущій*. См. *Göttingische gel. Anzeigen*, 1846. 90. 91. St. стр. 899.

17) Тамъ же, стр. 73.

«щей формы. Если бы въ умѣ народа, говорящаго языкомъ без-
«формнымъ, возникла хотя одна форма въ истинномъ смыслѣ
слова, то она не сверкнула бы только подобно молнии среди тем-
«ной ночи, оставивъ по себѣ прежній мракъ: она воспламенилась
«бы, напротивъ, яркимъ пламенемъ и переплавилась бы всю ум-
«ственную жизнь народа»¹⁸⁾. Есть ли настоящія формы въ та-
комъ строгомъ смыслѣ слова въ языкахъ индо-германскихъ, —
этихъ розахъ между языками, какъ называетъ ихъ г. Штейн-
таль, — будетъ разсмотрѣно ниже: здѣсь же я приведу изъ язы-
ковъ, почитаемыхъ бесформными, только двѣ формы, которыхъ
я, даже съ точки зрѣнія г. Штейнтала, не осмѣлдся бы объ-
явить ненастоящими, потому что онѣ, по всѣмъ признакамъ, осно-
вываются на символической перемѣнѣ корня или темы. Я разу-
мѣю образованіе множественнаго числа въ мексиканскомъ *) языкѣ
и перемѣну начальной согласной въ концѣ глаголовъ для выра-
женія отношеній времени и наклоненій въ языкѣ тибетскомъ¹⁹⁾.
О мексиканскихъ формахъ множ.: *ahua* и *teteo* отъ *ahua* *жестячи-*
на и *teotl* *богъ* В. Гумбольдтъ говоритъ²⁰⁾: «Нагляднѣе нельзя
«выразить звукомъ понятія множественности: тогда какъ пер-
«вый слогъ повторяется, у втораго здѣсь отнимается рѣзко и
«рѣшительно замыкающая его конечная согласная, а на остаю-
«щуюся за тѣмъ конечную гласную переносится сильное и про-
«должительное удареніе, такъ что звукъ какъ-бы теряется въ
«воздушномъ пространствѣ.»

Приступаю теперь къ флексивнымъ языкамъ, которые г-нъ
Штейнталь характеризуетъ слѣдующимъ образомъ²¹⁾: «Въ
«противоположность языкамъ, не представляющимъ различія

18) Но въ своемъ сочиненіи: *De pronomine relativo*, г. Штейнталь рассуж-
даетъ иначе. «*Concedendum quidem est*», говоритъ онъ тамъ (стр. 78), «*in eo ma-*
«*xime linguarum, quae agglutinent, rationem positam esse, quod categorias verbis*
«*significantibus ac materialibus expriment, atque optime Schottius in dativi postpo-*
«*sitionibus radicem verbalem cognovit. Sed tamen semper ita sese rem habere ne-*
«*cesse non est. Aliquando enim istae etiam linguae recta ratione uti possunt.*»

*) О правописаніи и выговорѣ имени Mexico см. W. v. Humboldt, *Ueber die*
Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues etc. (Berlin, 1836), стр. 164, 168, въ
примѣчаніи. Примѣчаніе это, съ примѣненіемъ къ русскому правописанію, пере-
дано въ Ж. М. Н. Пр. Часть LXXII, Отд. VII, стр. 31 — 33. Ср. еще Ч. LXXIV,
Отд. VI, стр. 266.

19) Schmidt, *Gramm. der tib. Spr.*, стр. 113 и слѣд.

20) Тамъ же, стр. 285. 21) Тамъ же, стр. 74.

« между матеріальными и формальными элементами, есть другіе, « въ которыхъ это различіе выдерживается посредствомъ двоя- « каго рода корней: вербальныхъ и прономинальныхъ, какъ на- « зывается ихъ Боппъ, или объективныхъ и субъективныхъ, « какъ назвалъ ихъ В. Гумбольдтъ. Будучи въ высшей степе- « ни гибки со стороны звука и въ такой же степени отвлеченны « по своему значенію, прономинальные корни послужили удоб- « нымъ средствомъ для обозначенія отвлеченныхъ граммати- « скихъ категорій. Они оказались способными передавать значе- « ніе категорій, не выражая ея въ видѣ матеріи: сообразно сво- « ему назначенію — изображать только отвлеченную форму, они « легко могли примыкать къ матеріальнымъ корнямъ только въ « видѣ формирующаго элемента и сливаться съ ними. Если сущ- « ность сложныхъ словъ состоитъ въ соединеніи двухъ самостоя- « тельныхъ представленій и звуковыхъ формъ, ихъ выражаю- « щихъ, то въ образованіи разсматриваемыхъ языковъ, и преиму- « щественно индо-европейскихъ, господствуетъ отноудь не слово- « сложеніе, потому что въ нихъ происходитъ не совокунленіе « двухъ одинаково самостоятельныхъ, равныхъ другъ другу, ма- « теріальныхъ элементовъ, а, напротивъ, въ нихъ совершается « образованіе матеріальнаго элемента, нуждающагося въ формѣ « для твердаго опредѣленія своего существа, съ элементомъ « формальнымъ, который можетъ имѣть свое значеніе только на- « ходясь при матеріальномъ: и вотъ въ чемъ собственно состоитъ « *флексія* или *наращеніе*.» Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что упомянутые два рода корней — вербальные и прономинальные — существуютъ и въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ г. Штейнталь никакъ не хочетъ признать флексій, напр. въ уральско-алтай- « скихъ. Но какъ въ этихъ, такъ равно и въ индо-европейскихъ языкахъ, есть много словъ, которыя можно возводить къ кор- « нямъ того или другаго разряда только теоретически. Если же число такихъ словъ въ уральско-алтайскихъ языкахъ съ перва- « го взгляда кажется значительно больше, чѣмъ въ индо-герман- « скихъ, то не надобно забывать прежде всего, что первые доны- « нѣ еще вовсе не подвергались строгому изслѣдованію съ этой « стороны; потому, извѣстно, что за ихъ развитіемъ мы не мо- « жемъ слѣдить на пространствѣ даже одной тысячи лѣтъ, тогда

какъ индо-германскіе языки мы положительно знаемъ въ ихъ состояніи за три тысячи лѣтъ, и наконецъ прибавимъ, что въ послѣднихъ, въ продолженіе ихъ развитія, шедшаго быстрѣе чѣмъ у первыхъ, быть можетъ, многія слова для простѣйшихъ понятій, хранившіяся отъ временъ первобытныхъ, замѣнены новыми. Къ такимъ, говоря сравнительно, новымъ словамъ я причисляю, между прочимъ, названія родства съ окончаніемъ на *tag*²²⁾: я не могу себѣ представить, чтобы коренной народъ индо-германскаго племени вовсе не имѣлъ названій для понятій о родствѣ, пока не явилось въ языкѣ окончанія причастія *tag*.

Мнѣніе о происхожденіи флексивной формы изъ двухъ элементовъ и о несуществованіи обоихъ въ отдѣльномъ видѣ до образованія этой формы раздѣляетъ и г. Шлейхеръ, и потому находитъ неумѣстнымъ называть флексивную форму сложеніемъ. «Сложеніе», говоритъ онъ²³⁾, «есть соединеніе двухъ готовыхъ словъ въ одно слово, а флексія, кромѣ измѣненія самаго корня, есть сліянніе звуковъ матеріальнаго и формальнаго значенія, не существовавшихъ до своего сліянія въ видѣ готовыхъ словъ²⁴⁾, потому что и самый языкъ въ то время еще не былъ готовъ.» Неумѣстность выраженія: «самый языкъ еще не былъ готовъ», показалъ уже Бенфэй, бросивъ весьма мѣткій взглядъ на существо языка въ этомъ отношеніи. «Сколько я знаю», говоритъ онъ²⁵⁾, «языкъ отъ начала до конца своего существованія столько же готовъ, какъ и неготовъ окончательно. Онъ готовъ, потому что его вполне достааетъ для выраженія мыслей говорящаго имъ народа, неготовъ — потому что, продолжая развиваться, онъ постоянно преобразуется.» Бенфэй расходится съ г. Шлейхеромъ еще въ томъ, что признаетъ флексивную форму прямо и въ строгомъ смыслѣ сложе-

22) Но, съ другой стороны, слова эти нельзя считать и самими новыми, потому что изъ числа ихъ женскія имена не имѣютъ еще своего родового окончанія. Отсутствие родового отличія въ будущемъ перифрастическомъ (*kartásmi* и т. д.) можно объяснить иначе.

23) *Zur vergleichenden Sprachengeschichte*, стр. 24.

24) Ужели и агглютинація, изъ которой произошла, по мнѣнію Шлейхера (см. напр. стр. 22), флексія, состоитъ также изъ двухъ, еще неполныхъ словъ? Агглютинацію г. Шлейхеръ производитъ отъ односложнаго состоянія языка, а въ этомъ состояніи корни составляютъ основанія слова.

25) *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1849, 70. 71 St. стр. 734.

пиемъ. Вотъ собственно слова его²⁶): «Сложене только изрѣд-
 «ка представляетъ соединене двухъ готовыхъ словъ, потому
 «что готовыми словами въ флексивныхъ языкахъ можно назы-
 «вать только снабженныя флексією²⁷): по общему же правилу,
 «первымъ членомъ сложнаго слова должно быть неполное сло-
 «во, тема. Потому исключенія, въ которыхъ первый членъ
 «окачивается флексією, пишѣ называютъ обыкновенно сбли-
 «женіемъ словъ (Zusammenrückung). То же самое представляетъ
 «и флексивная форма во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только можно
 «объяснить ея происхожденіе. Если напр. аористъ корня діе
 «показывать образуется изъ а + діе + sam, то образованіе это
 «въ сущности одинаково съ сложеніемъ sarva-guṇa-sampranāḥ:
 «тамъ первый членъ адіе, здѣсь sarvaguna, тамъ второй — sam,
 «здѣсь sampranāḥ. Въ обонхъ случаяхъ первый членъ представ-
 «ляетъ совокупленіе двухъ темъ, не имѣющихъ флексіи, или не-
 «оконченныхъ словъ, а второй представляетъ форму, снабжен-
 «ную флексією, или полное слово.» Замѣчу прежде всего, что
 Бенфэй неудачно выбралъ для примѣра слово вторичнаго об-
 разованія. Сталъ ли бы онъ утверждать о формѣ sam, что и она
 точно также составлена изъ корня as или темы asa, то-есть не-
 полного слова, и изъ мѣстоименія 1-го лица, со сгладившею-
 ся въ теченіе времени флексією? Если мѣстоименіе имѣло уже
 флексію, то я опять спрошу: какъ образовалась эта флексивная
 форма? Корни и темы въ индо-европейскихъ языкахъ ужели
 чистые абстракты, никогда не имѣвшіе самостоятельнаго бытія?
 Искони ли существуютъ флексивныя формы языковъ индо-гер-
 манскихъ? и формы, являющіяся кое-гдѣ безъ флексіи (какъ
 напр. им., вин. и зват. ед. ч. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является
 голая тема), ужели произошли только чрезъ искаженіе флексив-
 ныхъ формъ, или извлечены изъ нихъ? Изъ флексивныхъ ли
 окончаній, не имѣвшихъ самостоятельнаго бытія, развились са-
 мостоятельныя мѣстоименія? Быть не можетъ, чтобы названныя

26) Тамъ же, стр. 729.

27) Но вѣдь въ то время, какъ развивалась флексія, языки еще не были флек-
 сивны. Въ другомъ мѣстѣ (Ueber das Verhältniss der ägyptischen Sprache zum se-
 mitischen Sprachstamm, стр. 184) Бенфэй рѣшительно утверждаетъ, что флексія
 произошла изъ сложенія словъ, а сложене — отъ помѣщенія ихъ рядомъ. Ста-
 вилась же рядомъ могли, какъ мнѣ кажется, только полныя слова.

выше ученые отвѣтили на эти вопросы утвердительно, потому что тогда они должны бѣ были производить матерію отъ формы, конкретное отъ абстрактнаго, тогда какъ изъ позднѣйшей исторіи языковъ извѣстно, что, наоборотъ, форма развивается изъ матеріи, абстрактное изъ конкретнаго. Если же происхожденіе существующихъ формъ, не имѣющихъ флексій, и существованіе самостоятельныхъ мѣстоименій отнести къ древнѣйшему періоду языка, предшествовавшему той порѣ, когда образовались флексивныя формы, то я не вижу никакого различія между корнемъ и темою съ одной стороны и между полнымъ словомъ съ другой. И въ исторіи такъ называемыхъ по преимуществу флексивныхъ языковъ можно повѣрное полагать такой періодъ, когда языкъ состоялъ изъ однихъ корней, которые однако были въ то же время настоящими словами²⁸⁾. Изъ соединенія двухъ такихъ словъ произошли сложныя слова, которыя чрезъ постепенное сглаживаніе и ослабленіе подчиненнаго члена образовали формы словъ, называемыя нынѣ производными. Проживъ значительный періодъ времени, эти производныя слова приняли видъ, называемый нынѣ темою. Надобно впрочемъ замѣтить, что все это можетъ относиться только къ древнѣйшимъ формациямъ языка, потому что огромное количество производныхъ образовалось только въ то время, когда вполне уже развилась флексія. Съ этого періода языка началось словопроизводство отъ корней и темъ и складываніе съ корнями и темами, и только теперь возникло различіе между настоящими и неполными или неготовыми словами. Различіе же между корнемъ и темою съ одной стороны и различіе обихъ отъ полного слова зависитъ не только отъ флексій, но состоитъ еще въ тѣсной связи съ эвфоническими законами окончаній словъ. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка, и именно индо-германскаго корня, на концѣ словъ допускалось гораздо больше согласныхъ, чѣмъ позднѣе, какъ доказываютъ окончанія санскритскихъ глагольныхъ корней, въ которыхъ не допускались только весьма немногія со-

28) Ср. Pott, *Etymol. Forschungen*, II, стр. 360: «Можно бы подумать, что «состоянію, въ какомъ дошли до насъ языки санскритскаго корня, предшествовалъ періодъ величайшей простоты и отсутствія флексій, — состояніе, представ- ляемое еще и нынѣ китайскимъ и другими, такъ называемыми односложными «языками.»

гласных²⁹⁾. Легко может быть, что прототипы флексивных форм большею частью произошли от механического сближения двух слов, имевших до их образования самостоятельное бытие³⁰⁾. Материальный элемент, превратившийся в формальный, мог произойти из первобытного элемента языка, т. е. из чистого корня, но также легко и от производного слова. Когда язык, посредством сложения, приобретает уже известное количество форм, из них чрез совокупление новых формальных элементов, встречающихся в другом соединении, но всегда производимых от самостоятельных слов, могли образоваться новые формы. Поразительный примѣръ такого образования новых форм представляет русская форма: *пойделите*, в которой совокуплены окончания двух форм. Но образование новых слов и новых флексивных форм совершается не только посредством складывания, а также и посредством символической перемѣны в средних словъ. Такое образование форм, предпочтительно предъ другими языками, принадлежит, какъ известно, семитическим³¹⁾; но и в языкахъ другого племени, особенно в настоящем ихъ положеніи, есть явленія, которыя едва ли можно чѣмъ-нибудь объяснить, кромѣ дѣйствія того же самого образовательнаго пачала. Въ чемъ бы ни состояла эта внутренняя перемѣна — въ перемѣнѣ гласныхъ или согласныхъ, въ усиленіи или въ ослабленіи корня: но если допускаютъ, что она можетъ символически производить новые слова

29) Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Шлейхера (тамъ же, стр. 8, прим.), будто-бы индо-германскіе корни первоначально вовсе не оканчивались согласною.

30) Этому мнѣнію держится и Поттъ по меньшей мѣрѣ въразсужденіи формы надежей: см. *Etym. Forschungen*, II, стр. 621. Ср. также мнѣніе Гёблера въ *Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache*, III, стр. 226, гдѣ говорится, что такъ называемыя темы никогда дѣйствительно существовали въ языкѣ, хотя не въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они принимаются грамматиками, но въ подобномъ тому и некоторымъ образомъ обнаженномъ состояніи.

31) Въ семитическихъ языкахъ за корень принимаются одніе согласныя буквы, потому что прибавкою къ нимъ гласныхъ всегда образуется какая-нибудь уже опредѣленная форма слова. Я, съ своей стороны, расположенъ принимать за корень, вмѣстѣ съ прежними грамматиками, 3-е л. прош. ед., не получающее звуковаго отличія, но отступаю отъ нихъ въ томъ, что не произвожу отъ этого лица другихъ формъ спряженія. Но это 3-е лицо представляетъ корень или тему только въ томъ смыслѣ, что оно, какъ 2-е л. повел. ед. въ языкахъ уральско-алтайскихъ, не получаетъ никакого обозначенія звукомъ; въ древнѣйшемъ же періодѣ языка, когда еще не было флексій, корень означалъ не только 3-е лицо какого бы то ни было времени, но отвѣчалъ за всякую форму.

и флексивныя формы, то я не вижу, почему бы не могли быть символическаго же свойства и приставки въ началѣ и въ концѣ словъ. Вначалѣ эти придаточныя звуки, именно гласныя, могли быть впрочемъ чисто-эфоническаго свойства и, можетъ быть, только со временемъ были употреблены для обозначенія производныхъ понятій и грамматическихъ категорій.

Если допустимъ, что флексія, образуемая чрезъ вышнее наращеніе, произошла, говоря вообще, изъ соединенія двухъ, первоначально самостоятельныхъ словъ, то, мнѣ кажется, уже не будетъ достаточнаго основанія приписывать особенную важность тому обстоятельству, что въ такъ называемыхъ флексивныхъ языкахъ для образованія флексіи употребляется мѣстоименіе, а въ языкахъ такъ называемыхъ приставочныхъ — слова матеріальнаго значенія. Притомъ и то еще не рѣшено окончательно, точно ли мѣстоименіе, а не другое что, содержится въ падежныхъ окончаніяхъ флексивныхъ языковъ? и точно также, или даже еще больше, не доказано, чтобъ эти окончанія въ приставочныхъ языкахъ состояли изъ глагольныхъ корней. Я, съ своей стороны, берусь сблизить падежныя окончанія тюркскихъ языковъ съ мѣстоименіями³²⁾. Ученый, котораго мы по всей справедливости называемъ основателемъ сравнительнаго языковеденія, сдѣлалъ, какъ всѣмъ извѣстно, первую попытку отыскать въ падежныхъ окончаніяхъ индо-германскихъ языковъ пропомпалыные корни; но онъ едва осмѣлился сдѣлать лишь легкой намекъ въ объясненіе того, какимъ образомъ мѣстоименіе могло быть употреблено для выраженія той или другой категоріи. Самымъ этимъ умолчаніемъ Боппъ, мнѣ кажется, допускаетъ, что мѣстоименіе отнюдь не вслѣдствіе своей природы должно было послужить для обозначенія категорій, которыя оно, по его мнѣнію, обозначаетъ нынѣ. Какъ вообще совершенное равенство между звукомъ и понятіемъ является не съ самаго начала, а только послѣ долговременнаго употребленія слова и часто даже

32) Окончаніе винительнаго въ зырянскомъ языкѣ Кастренъ считаетъ за приставочное мѣстоименіе 1-го лица, и это объясненіе вполнѣ одобрено Габелецемъ: см. Hoefler, Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache, I, стр. 114. Въ остяцкомъ языкѣ винительный обыкновенно не имѣетъ особеннаго отличія, но иногда онъ получаетъ окончаніе *em* или *m*, которое Кастренъ (Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre, стр. 28) считаетъ за приставочное мѣстоименіе 3-го лица.

лишь по затемнѣніи первоначальнаго этимологическаго значенія слова, такъ, по моему мнѣнію, и флексивное окончаніе въ самомъ началѣ не ограничивалось обозначеніемъ строго опредѣленной категоріи, въ смыслѣ которой мы находимъ ее во времена дальнѣйшаго развитія языка. Слова санскритскія, напр., для понятій: *дщерь* и *вдова*, *duhitar* и *vidhavā*, сначала не были вполне соответствующими выраженіями означенныхъ понятій, потому что они, по своему происхожденію, означаютъ всякаго, занимающагося доеніемъ, и всякую, не имѣющую мужа, стало быть и дѣвицу; но тождественныя съ ними русскія слова совершенно равны своему значенію, потому что ихъ происхожденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальное, обширнѣйшее значеніе уже забыто. То же самое было и съ флексивными окончаніями: если знакъ именительнаго въ индо-германскихъ языкахъ дѣйствительно обязанъ своимъ происхожденіемъ относительно мѣстоименію *sa*, то отсюда никакъ еще не слѣдуетъ, чтобы это мѣстоименіе, прикладываемое къ слову въ видѣ члена, искони было вполне соответствующимъ выраженіемъ субъекта. Какіе корни употребляются для обозначенія производныхъ понятій и для обозначенія логическихъ отношеній — прономинальные, или вербальные корни (или, какъ называетъ ихъ г. Штейнталь, формальные или матеріальные элементы), — по моему мнѣнію, все равно, потому что ни тѣ, ни другіе не были вначалѣ соответствующими своему позднѣйшему значенію выраженіями. Дѣло въ томъ только, чтобы языкъ вообще достигалъ обозначенія строго опредѣленной категоріи, и достигалъ притомъ такъ, чтобы употребленный къ тому матеріалъ утончался какъ можно болѣе, и чтобы такимъ образомъ вещественность, болѣе или менѣе свойственная и мѣстоименіямъ, одухотворялась. Но языкъ въ этомъ отношеніи можетъ также преступать подлежащія границы, сливая двѣ или болѣе, совершенно различныя формы въ одну, или утрачивая звуки пріобрѣтенной формы, какъ напр. въ якутскомъ *суруг-ар аз его письмо*, гдѣ приставка мѣстоименія 3 лица совершенно утрачена, и слѣдъ ея существованія остался только въ формѣ дательнаго, которая послѣ приставочныхъ мѣстоименій обыкновенно бываетъ полнѣе. Звуки прономинальныхъ приставокъ всего менѣе нужно смягчивать, потому что

напоминаніе о ихъ связи съ формами самостоятельнаго мѣстоименія не только не дѣлаетъ уму никакого затрудненія, но дѣйствуетъ на него даже благотворно, и если въ индо-германскихъ языкахъ, равно и въ приставочныхъ, онѣ иногда сокращаются и измѣняются до того, что уже не видно ихъ связи съ самостоятельными формами, то подобныя утраты, по моему мнѣнію, отнюдь не служатъ украшеніемъ языка. Впрочемъ недостатокъ сходства приставляемыхъ мѣстоименій съ самостоятельными иногда происходитъ отъ того, что изъ двухъ или нѣсколькихъ мѣстоименій, соотвѣтствовавшихъ другъ другу, одни дошли до насъ только въ видѣ приставокъ, а другія сохранились въ видѣ самостоятельныхъ мѣстоименій. Въ случаѣ же сильнаго развитія флексивнаго направленія въ языкѣ, новыя формы, именно множ. и двой. чисель, могутъ происходить чрезъ соединеніе двухъ мѣстоименій, существовавшихъ уже только въ видѣ приставокъ. Если мы ставимъ языку въ упрекъ, что въ немъ, отъ потери звуковъ или отъ употребленія разныхъ формъ для одной цѣли, связь между самостоятельными и приставочными мѣстоименіями затемняется, то, съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ тюркскихъ, приставляемая мѣстоименія въ иныхъ случаяхъ уже слишкомъ мало теряютъ своего самостоятельнаго вида и отъ того остаются слишкомъ матеріальными. Мы попытаемся однако нѣсколько смягчить этотъ упрекъ тюркскимъ языкамъ, выставивъ ихъ — смѣю думать — рѣшительное преимущество предъ прославляемыми индо-германскими языками, — преимущество, принадлежащее, вмѣстѣ съ тюркскими, многимъ другимъ языкамъ, которые также удостоены нелестнаго названія языковъ приставочныхъ. Паденныя окончанія въ индо-германскихъ языкахъ, по различію конечныхъ буквъ темы, подвергаются разнымъ перемѣнамъ, которыхъ никакъ нельзя подвести подъ одинъ общій эвфоническій законъ, вслѣдствіе чего первобытное тождество окончаній, выражающихъ одно и то же отношеніе, дѣлается нечувствительнымъ. Случается даже, что для обозначенія одного и того же отношенія употребляются совершенно различныя средства. Отношенія, конечно, остаются одни и тѣ же, во множественномъ ли числѣ представляется имя, снабженное знакомъ отношенія, или въ

20225.
двойственномъ: а между тѣмъ въ индо-германскихъ языкахъ, для обозначенія отношеній, по различію чиселъ употребляются и средства, отчасти различныя; съ другой стороны, различныя отношенія выражаются однимъ и тѣмъ же окончаніемъ въ двойственномъ, и даже въ единственномъ числѣ; знакъ двойственного или множественнаго числа, принадлежащій къ имени, а не къ падежному окончанію, чрезвычайно труденъ для распознанія и разъ стоитъ, по видимому, впереди падежнаго окончанія, другой разъ — позади его. Какую рѣзкую противоположность этой путаницѣ представляетъ склоненіе въ языкахъ тюркскихъ и финскихъ! Здѣсь для обозначенія одного и того же отношенія употребляются всегда одни и тѣ же окончанія, и если они, вслѣдствіе вліянія со стороны корня, подвергаются значительнымъ перемѣнамъ, какъ напр. въ якутскомъ и финскомъ, то перемѣны эти совершаются по одному общему эвфоническому закону и связь между тождественными окончаніями нисколько не затемняется; падежныя окончанія одни и тѣ же какъ въ единственномъ, такъ и въ множественномъ числѣ, и знакъ послѣдняго прикладывается не къ падежному окончанію, а, какъ и слѣдуетъ, къ самому имени³³⁾; окончаніе же множественнаго въ финскихъ языкахъ занимаетъ прекрасную средину между слишкомъ матеріальнымъ обозначеніемъ онаго въ тюркскихъ и едва уловимымъ выраженіемъ въ индо-германскихъ.

Языки, въ которыхъ матерія и форма искони не отличаются другъ отъ друга, по этой самой причинѣ не имѣютъ будто-бы ни настоящихъ именительныхъ падежей, ни личныхъ глаголовъ (*verbum finitum*)³⁴⁾. Мы попытаемся доказать, что, съ одной стороны, этотъ упрекъ такъ называемымъ бесформнымъ языкамъ не вполне основателенъ, и что, съ другой, способъ образованія именительнаго и личнаго глагола въ индо-германскихъ языкахъ вовсе не даетъ права полагать такую бездну разстоянія между

33) Что здѣсь именно настоящее ихъ мѣсто, доказывалъ уже Поттъ въ своихъ *Etym. Forschungen*, II, стр. 623. Ставить же знакъ множественнаго послѣ падежнаго окончанія, значитъ — гораздо больше нарушать естественный порядокъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда грамматическое множество дѣйствующихъ лицъ обозначается учащательною формою глагола. Ср. у Штейнталя, тамъ же стр. 78, гдѣ этотъ способъ обозначенія множественнаго числа ошибочно приписанъ языку Кави.

34) Steinthal, *ibid.* стр. 78.

этими двумя классами. Ближайшіе ко мнѣ изъ такъ называемыхъ бесформныхъ языковъ, уральско-алтайскіе, дѣйствительно, не обнаруживаютъ въ себѣ потребности отмѣчать именительный падежъ особеннымъ знакомъ; въ нихъ тема имени является и субъектомъ, и предикатомъ, и атрибутомъ, и нарѣчіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и объектомъ, на который переходитъ дѣйствіе субъекта. Это употребленіе одной и той же формы для обозначенія столь разнородныхъ отношеній объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что въ языкахъ этого рода согласованіе между частями рѣчи въ предложеніи не выражается окончаніями, и что особенная форма винительнаго употребляется только въ томъ случаѣ, когда на предметъ дѣйствія, по содержанию рѣчи, надобно обратить особенное вниманіе. Многозначущую и въ то же время ничего не выражающую тему алтайскихъ именъ я назвалъ въ своей «Якутской Грамматикѣ» *casus indefinitus* — падежемъ неопредѣленнымъ: имѣя же въ виду только вышнюю ея форму, а не значеніе, я назвалъ бы ее падежемъ бесформнымъ (*flexionslos*). Но посмотримъ нѣсколько внимательнѣе на именительный падежъ въ самихъ индо-германскихъ языкахъ. Тогда какъ ему приписываютъ такую важность, онъ въ двойственномъ числѣ всегда здѣсь одинаковъ съ винительнымъ, а въ именахъ средняго рода — и въ единственномъ, и во множественномъ; окончаніе именительнаго во множественномъ числѣ въ именахъ мужскаго и женскаго рода, по всей вѣроятности, есть знакъ множественнаго числа, а не именительнаго падежа; женскія имена, оканчиваясь гласною, принимаютъ знакъ именительнаго только въ видѣ исключенія, а мужскія и женскія темы съ конечною согласною вовсе не имѣютъ этого знака въ языкѣ санскритскомъ³⁵⁾. Въ этомъ языкѣ обозначеніе именительнаго ограничивается собственно именами муж. рода съ окончательною гласною и притомъ только въ единственномъ числѣ, тогда какъ въ Zendскомъ, греческомъ, латинскомъ, готскомъ и литовскомъ знакъ именительнаго принимаютъ въ единственномъ числѣ и темы съ конечною согласною, мужскаго и женскаго рода. Всѣ эти явленія не дѣлаютъ ли такъ называемый знакъ именительнаго въ высшей степени подозрительнымъ? И

35) См. Бетлинга *Санскритскую Хрестоматию*, стр. 385.

уже было высказано мнѣніе, что въ языкахъ индо-германскихъ для именительнаго падежа первоначально не было особеннаго знака, и только мало по малу, съ цѣлію выставить его сильнѣе, стали присовокуплять сперва къ мужескимъ именамъ, въ видѣ члена, мѣстоименіе *sa*; сливаясь сперва съ прилагательными для сильнѣйшаго выраженія ихъ отношенія, а потомъ и съ существительными, членъ этотъ преобразился впослѣдствіи въ знакъ именительнаго; но прежде нежели онъ окрѣпъ въ этомъ значеніи, санскритскій языкъ, въ собственномъ смыслѣ, отдѣлился отъ своего корня, и въ своемъ особенномъ образованіи отказался отъ употребленія этого знака, хотя удержалъ много формъ, къ которымъ знакъ этотъ присталъ крѣпко и былъ уже непомятенъ для непосредственнаго чувства³⁶⁾ въ своемъ первоначальномъ значеніи. Принимая въ соображеніе, что знакъ этотъ не встрѣчается въ именахъ средняго рода³⁷⁾, можно утверждать, что вначалѣ онъ выражалъ одушевленное и потому дѣятельное въ противоположность неодушевленному и страдательному³⁸⁾, но и въ этомъ значеніи употреблялся только въ томъ случаѣ, когда оно не разумѣлось само собою въ жен. родѣ, обозначаемомъ долгою гласною. Въ именахъ муж. и жен. рода, оканчивающихся согласною и не имѣющихъ, какъ замѣчено выше, знака именительнаго, падежъ этотъ отличается иногда отъ средняго рода и отъ нагой темы большею полнотою формы; но форма эта составляетъ признакъ не именительнаго, а только одушевленнаго, потому что она является и въ прочихъ падежахъ. Наоборотъ, въ именахъ средняго рода темы часто являются въ ослабленномъ видѣ, какъ въ сложныхъ словахъ, гдѣ отсутствіе различія между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, между мужескимъ и женскимъ родомъ, возводитъ насъ къ древнѣйшему періоду языка. Еслибы индо-германцы въ періодъ образованія формъ чувствовали потребность настоящаго именительнаго, они выразили бы это чув-

36) Benfey въ *Gött. gelehrte Anzeigen*, 1846. 90, 91 St. стр. 898.

37) Немногія исключенія въ греческомъ и латинскомъ Боишъ справедливо признаетъ за неправильныя порожденія позднѣйшаго времени.

38) Окончаніе имен. *s* въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ, готскомъ и литовскомъ есть, стало быть, не иное что, какъ «элементъ олицетвореній, живоносный, пѣтло въ родѣ послѣдлагаемаго члена». Боишъ въ *Abhandlungen der historisch-philologischen Klasse der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. Aus dem Jahre 1826. стр. 70.

ство повсюду и не употребляли бы, подобно уральско-алтайским народамъ, такъ часто именительный вмѣсто винительнаго, или этотъ падежъ вмѣсто именительнаго. Вездѣ, гдѣ именительный въ индо-германскихъ языкахъ отличается отъ винительнаго и отъ темы, имъ удалось достигнуть этого различія только посредствомъ того, что или винительный снабженъ особеннымъ окончаніемъ, или съ темою, не имѣющею флексіи, слилось въ теченіе времени мѣстоименіе, сперва имѣвшее совсѣмъ другое назначеніе.

Обратимся теперь къ личному глаголу. Въ тюркскихъ языкахъ повелительное наклоненіе представляетъ чисто-глагольную форму, какую только можно отыскать въ языкахъ индо-германскихъ. Формы этого наклоненія образуются чрезъ присоединеніе особеннаго личнаго окончанія къ корню или къ темѣ глагола, никогда не являющимся въ значеніи имени³⁹⁾. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ якутскаго языка: *көр-дүн* *пусть онъ смотритъ*, *көр-үң* *смотрите*, *көр-дүннәр* *пусть они смотрятъ*, *буол-лун* *будь онъ*, *буол-уң* *будьте*, *буол-луннар* *пусть они будутъ*. Чистый корень глагола составляетъ 2-е л. пов.: за то онъ не имѣетъ никакого другаго значенія. Большая часть другихъ формъ глагола, дѣйствительно, есть не иное что, какъ совокупленіе имени, произведеннаго отъ глагольнаго корня, съ такъ называемою предикатною приставкою, которая можетъ идти и ко всякому другому предикату; но есть опять формы, которыя можно относить къ числу такихъ совокупленій только теоретически, какъ напр. въ якутскомъ совершенное (см. Якут. Грам. § 518), условное (§ 520) и совершное (Perfectiv) (§ 521). Первые два лица наст. врем., по всей вѣроятности, состоятъ въ этомъ языкѣ изъ причастнаго имени наст. врем., служащаго и для 3 лица, и изъ предикатной приставки: *быса-бын* *я рѣжу* = *бысар* + *бын* *рѣжущій я*. Но теперь эта искаженная форма принимается за настоящее время въ собственномъ смыслѣ и, какъ кажется, послужила къ образованію новой формы, формы возможнаго на-

39) Г. Шоттъ въ своемъ сочиненіи: *Ueber das Altaische* и т. д., кажется, не замѣчалъ, что личные окончанія прилагаются прямо къ корню или темѣ только въ повел. Тамъ на стр. 21 сказано: «только въ тюркскихъ языкахъ глаголъ, у Мань-«джуровъ и Монголовъ еще какъ-бы бездушный, получаетъ жизнь, принимая къ «корню приставочное мѣстоименіе.»

клоненія (Potentialis), которая едва ли уже напоминает причастное имя. Что въ некоторыхъ языкахъ уральско-алтайскаго племени значеніе предиката понято, доказываетъ существующее въ нихъ различіе между притяжательными и предикатными приставками, хотя оно и не проведено въ нихъ повсюду: такъ по якутски говорится: аѣам *мой отецъ*, но аѣабын *я отецъ*, быспап-тым *мое перъзанье*, но быспап-пын *я не рѣжу*. (Ср. также Кастрена, De affixis personalibus linguarum Altaicarum. Helsingforsiae, 1850.) Въ финскихъ языкахъ глаголь стоитъ уже значительно выше, чѣмъ въ тюркскихъ, но далеко не достигаетъ той высоты, какой достигла эта часть рѣчи въ языкахъ индо-германскихъ. Но и въ этихъ послѣднихъ иначе ли онъ образовался, чѣмъ въ первыхъ? Почему не принять, что и въ нихъ формы глагола, содержащія въ себѣ только корень и прономинальное окончаніе, произошли чрезъ соединеніе причастнаго имени, которое, кстати, довольно часто является въ этихъ языкахъ въ видѣ наглаго корня, съ самостоятельными мѣстоименіями *та, та, са* и т. д., впоследствии ослабѣвшими до *тi, ti, si* и *m, s, t*, или исказившимися еще иначе? Формы настоящаго времени съ распространяемою темою могутъ быть просто эвфоническими приставками для звуковой полноты слова, какъ полагаетъ Курциусъ, или еще производными отъ именъ, какъ думаетъ Бенфэи⁴⁰⁾. Не производили ли приращенія (Augment) отъ прономинальнаго корня, который вмѣстѣ съ тѣмъ могъ быть въ употребленіи въ видѣ нарѣчія времени? И въ формѣ желательнаго, будущаго и т. д. не находили ли не только одного, но даже двухъ глагольныхъ корней, которые можно также принимать за имена? Характеристическій признакъ прош. совершеннаго, удвоеніе, нынѣ больше расположены признавать словопроизводною формою, чѣмъ флексивною⁴¹⁾. Нельзя отрицать, что формы глагола въ индо-германскихъ языкахъ успѣли пріобрѣсть видъ органическаго образованія, но этого не должно, какъ увидимъ еще впоследствии, приписывать особешному началу ихъ образованія.

40) Ср. Curtius, Die Sprachvergleichung in ihrem Verhältniss zur classischen Philologie, 2-te Auflage. стр. 62.

41) Curtius, Die Bildung der Tempora und Modi im Griechischen und Lateinischen sprachvergleichend dargestellt, стр. 171 и слѣд.

Говорятъ еще: «въ языкахъ, имѣющихъ настоящія формы, «всегда бываютъ, для ихъ пополненія, извѣстныя формальныя «слова, напр. предлоги. Настоящія же предлоги не тѣ, которые «происходятъ отъ глагольныхъ или матеріальныхъ корней, по «только тѣ, которые обнаруживаютъ въ себѣ еродство съ мѣсто- «именіями, какъ показали это Боппъ посредствомъ остроумнаго «анализа, который достигъ здѣсь утонченнѣйшаго изъ своихъ «результатовъ. Финскій языкъ вовсе не имѣетъ такихъ предло- «говъ — и этого довольно, чтобы опознать всю его флек- «сію» ⁴²⁾. Объяснитъ, что, по моему мнѣнію, падежныя оконча- нія ни въ индо-германскихъ, ни въ уральско-алтайскихъ язы- кахъ не могутъ быть формальными элементами по природѣ, я уже, естественно, не могу имѣть мысли отстранять отъ фин- скихъ языковъ взводимое на нихъ подозрѣніе; но и здѣсь, какъ по поводу падежныхъ окончаній, я отваживаюсь рѣшительно утверждать, что Боппово систематическое производство пред- логовъ отъ прономинальныхъ корней надобно назвать въ вы- шей степени натянутымъ ⁴³⁾. Затѣмъ еще должно замѣтить, что предлоги служили первоначально не дополненіемъ формъ, а бли- жайшимъ опредѣленіемъ глагольныхъ корней, то-есть были нар- рѣчіямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ наррѣчій происходятъ, можетъ быть, отъ прономинальныхъ корней, но въ то же время содер- жать въ себѣ еще другой элементъ, который требуетъ объясне- нія. Впрочемъ съ теоретической стороны я не вижу никакого затрудненія причислить предлоги къ именамъ и къ глагольнымъ корнямъ. Только мало по малу, отставая отъ глагола, они примыкаютъ въ ррчи къ падежнымъ формамъ и получаютъ силу управлять ими: это ясно открывается изъ сравненія латин- скаго и греческаго съ санскритскимъ. Въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ замѣчательное въ этомъ родѣ явленіе: падежъ, упо- требляющійся въ другихъ славянскихъ наррѣчійхъ только въ формѣ мѣстнаго ⁴⁴⁾, въ русскомъ всегда является въ сопровож- деніи предлога, и потому называется предложнымъ. Финскому языку, при его богатствѣ падежами, всего менѣе понадобилось

42) Steinthal, *ibid.* стр. 88.

43) Ср. Pott, *Elym. Forschungen*, II, стр. 191 и слѣд.

44) Остатокъ таковаго мѣстнаго падежа есть наррѣчіе *аиъ* **кѣиъ**: ср. *воиъ*, **кѣиъ** и происшедшее отсюда *ви*.

предлоговъ. Гдѣ же индо-германцы, для выраженія особеннаго оттѣнка значенія, совокупаютъ предлоги съ вербальными корнями, тамъ Финны и соплеменные имъ народы употребляютъ особенные глагольные корни, или прибѣгаютъ къ описательному способу выраженія посредствомъ герундій и вспомогательныхъ глаголовъ.

Предполагая войти въ ближайшее разсмотрѣнiе вопроса: въ какой мѣрѣ справедливо говорятъ, что въ такъ называемыхъ приставочныхъ языкахъ матерiя и форма почти только снаружи склеиваются между собою, какъ выразился г. Поттъ, и слѣдуетъ ли при физиологическомъ дѣленii языковъ всего болѣе дорожить способомъ соединенiя между матерiей и формой? я не могу при этомъ не напомнить читателю взгляда В. Гумбольдта въ его разсужденiи: *Ueber das Entstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung*, читанномъ въ берлинской Академiи въ 1822 и 1823 г., гдѣ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ, что формы во всѣхъ языкахъ приобрѣтены, въ сущности, однимъ и тѣмъ же путемъ. Онъ заключаетъ всѣ свои результаты въ слѣдующiя положенiя⁴⁵⁾:

«Первоначально въ языкѣ обозначаются только предметы, а «формы, связывающiя слова въ рѣчь, подразумѣваются.

«Но языкъ старается облегчить это подразумѣванiе размѣщенiемъ словъ и намеками на отношенiе и форму посредствомъ «словъ, означающихъ собственно предметы.

«Такимъ образомъ, на высшей степени, грамматическiя отношенiя обозначаются цѣлыми фразами и предложенiями.

«Этотъ способъ выраженiя подчиняется извѣстнымъ правиламъ; размѣщенiе словъ становится постояннымъ, а упомянутыя слова, намекающiя на отношенiя, мало по малу теряютъ «свое самостоятельное употребленiе, свое вещественное значенiе «и свой первоначальный звукъ.

«Такимъ образомъ, на второй степени, грамматическiя отношенiя обозначаются твердо установленнымъ размѣщенiемъ «словъ и словами, которыхъ значенiе колеблется между материальнымъ и формальнымъ.

45) *Gesammelte Werke*, III, стр. 296 и слѣд.

«Слова, поставленные рядом, составляют одно слово; формальные слова присовокупляются к материальным и деляются окончаниями. Но соединение еще не твердо, спайки видны, целое представляет агрегат, а не единство целого.

«Таким образом, на третьей степени, обозначение грамматических отношений представляет подобие форм.

«Формальность наконец проникает язык. Слово становится единицей, видоизменяемой только различием конечных звуков; каждое слово принадлежит к известному ряду или части речи, и имеет уже не одну лексикальную, но и грамматическую индивидуальность; слова, означающие форму, уже не имеют мѣшающего этому значению побочного смысла и представляют чистые выражения отношений.

«Таким образом, на высшей степени, грамматическія отношения обозначаются настоящими формами посредством флексив и чисто-формальных слов»⁴⁶).

Единство слова, образуемого чрез совокупление двух, первоначально самостоятельных словъ, ближайшимъ образомъ достигается подчинениемъ обоихъ одному главному ударению. Какъ скоро въ этомъ совокупленіи подчинениемъ одному ударению одинъ изъ совокупляемыхъ членовъ теряетъ видъ самостоятельного слова и имеетъ значеніе только въ совокупленіи съ материальнымъ словомъ, и такимъ образомъ превращается въ чисто-формальный элементъ, то происшедшее такимъ образомъ совокупленіе словъ, по всей справедливости, должно признавать производнымъ словомъ или флексивною формою, смотря по тому, какого рода формальный элементъ — словопроизводный или флексивный. Но, по моему мнѣнію, можно идти еще дальше: можно принимать за флексивную форму и такое совокупленіе, въ которомъ одинъ изъ соединенныхъ членовъ хранитъ въ себѣ

46) Не понимаю, какимъ образомъ можно, при такомъ взглядѣ на происхожденіе флексив, хотя на минуту оставаться въ недоумѣніи касательно возможности общаго происхожденія односложнаго языка, напр. китайскаго, съ санскритскимъ. Я говорю о возможности, а не о дѣйствительности, потому что всякое усиліе сдѣлать подобную мысль сколько-нибудь вѣроятною можно напередъ назвать напраснымъ и бесплоднымъ, и потому недостойнымъ науки. Кетати замѣчу, что общепринятому мнѣнію, будто въ односложныхъ языкахъ всѣ слова составляютъ корни, немного можно найти подтвержденій. Въ тибетскомъ напр. многія слова, теперь односложныя, произошли чрезъ спайку двухъ словъ.

слѣды самостоятельнаго мѣстоименія, или даже совершенно съ нимъ сходенъ, если только соединеніемъ этого мѣстоименія съ матеріальнымъ словомъ образуется грамматическая категорія, которая отдѣленіемъ этихъ элементовъ другъ отъ друга опять бы разрушилась. Такого единства слова, мнѣ кажется, достигли все формы въ тюркскихъ и финскихъ языкахъ, тогда какъ въ санскритскомъ нѣкоторыя флексивныя формы, вмѣстѣ съ удареніемъ на матеріальномъ элементѣ, имѣютъ еще удареніе на формальномъ, какъ напр. въ женскомъ *vâtschâ* и неопред., употребляемомъ въ Ведахъ, *kârtavâi*, *hârtavâi*⁴⁷⁾ и т. д.

При употребленіи формъ въ теченіе времени, языкъ достигаетъ мало по малу такого глубокаго соединенія матеріи съ формою, какого не можетъ произвестъ одно удареніе. Попробуемъ подвести подъ общія формулы различные роды соединеній, и посмотримъ, какъ далеко ушли въ этомъ отношеніи приставочные языки.

Простѣйшій способъ совокупленія состоитъ въ томъ, что окончаніе матеріальнаго слова соединяется въ недѣлимое цѣлое, т. е. въ одинъ слогъ, съ начальнымъ звукомъ формальнаго элемента. Этой первоначальной степени соединенія тюркскіе и финскіе языки вполне достигли. Если формальный элементъ начинается гласною, то конечная согласная матеріальнаго слова перестаетъ уже быть его окончаніемъ, а становится началомъ новаго слога, совокупляясь съ начальною гласною формальнаго элемента. Въ якутскомъ напр. отъ ас винительный падежъ произносится а-сы, а не ас-ы. Въ санскритскомъ языкѣ, какъ показалъ я въ другомъ мѣстѣ⁴⁸⁾, при сложеніи словъ такого слиянія не бываетъ: пишутъ напр. *ta-darṭham*, но говорятъ *tad-arṭham*.

Далѣе, двѣ гласныя, встрѣчаясь при образованіи словъ, или сливаются въ одну, или одна изъ нихъ опускается: такъ напр. въ якутскомъ изъ темъ глаголовъ: *aiā*, *ciā*, *toxtuo*, по присоединеніи къ нимъ окончаній *ī*, *ī*, *ū*, происходятъ имена дѣйствія: *aiī*, *ciī*, *toxtū*; отъ *sāttā* семь происходитъ *sāttic sedьмой*.

47) Böhlingk, Ein erster Versuch über den Accent im Sanskrit, § 2, въ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, sixième série, sciences politiques, histoire, philologie, т. VII.

48) Bulletin historico-philologique, т. VII, стр. 173 и слѣд., или Mélanges asiatiques, T. I. 3-me livr. стр. 322 и слѣд.

Стремленіе достигнуть недѣлимости слова весьма ясно обнаруживается въ якутскомъ въ образованіи отдалительнаго (Ablativus) падежа. Являясь послѣ согласныхъ и дугласныхъ съ буквою *i* въ видѣ таи, этотъ падежь послѣ простой гласной допускаетъ удвоеніе т, нетерпимое въ началѣ слога, вслѣдствіе чего первое т въ выговорѣ неизбежно примыкаетъ къ окончательному слогу склоняемаго слова: аҕат-таи отъ ага, äsäт-тәи отъ äsä и т. д. Такое же явленіе встрѣчаемъ мы и въ casus Abessivus финскаго языка: tavalla отъ tара. Равно и въ формахъ: tavalla, tavasta, tavaksi и tavalse, отъ того же tара, первая гласная служитъ окончаніемъ втораго слога, какъ видно изъ смягченія *p* въ *v*, которое бываетъ только въ слогахъ, замыкаемыхъ согласною. Сліяніе матеріальнаго элемента съ формальнымъ въ одинъ слогъ представляютъ въ себѣ даже односложные языки. Въ тибетскомъ напр. отъ ñга мы имѣемъ въ родит. ñgai, въ творит. ñgas, въ мѣстномъ отъ me — mer, отъ tschhu — tschhur и т. д.⁴⁹⁾

Третій способъ соединенія принадлежитъ уральско-алтайскимъ языкамъ исключительно и состоитъ въ уподобленіи гласныхъ формальнаго элемента гласнымъ элемента матеріальнаго. Общій законъ вразсужденіи этой перемѣны гласитъ: за твердою гласною въ темѣ можетъ слѣдовать только *твердал* въ окончаніи, за мягкой только *мягкая*⁵⁰⁾. Въ нѣкоторыхъ языкахъ этого племени употребленіе гласныхъ даже внутри ихъ разрядовъ ограничено еще особыми правилами: такъ въ якутскомъ за *a* можетъ слѣдовать только *a* или *ы*, за *ä* — только *ä* или *i*, за *o* — только *o* или *y*, за *ö* — *ö* или *y*, за *ы* — *ы* или *a*, за *i* — *i* или *ä*,

49) По мнѣнію Швейхера (Die Sprachen Europas, стр. 34), тибетскій языкъ составляетъ переходную форму между односложнымъ образованіемъ и агглютинаціею.

50) Якутскій и османскій языки имѣютъ по 4 твердыхъ гласныхъ (*a, o, ы, y*) и по 4 мягкихъ (*ä, ö, i, ü*); въ нѣкоторыхъ татарскихъ нарѣчіяхъ по 6 твердыхъ и по 6 мягкихъ. Въ финскомъ и монгольскомъ недостаетъ *ы*, вслѣдствіе чего *i* составляетъ средній звукъ между мягкими и твердыми. Въ финскомъ такую же среднину занимаетъ, сверхъ того, *e*. Въ какомъ положеніи находится гармонія гласныхъ въ самофаскомъ, не могу сказать. Въ турецкомъ уже Вигье 1700 г. (стр. 42, e tuel), Редгоуль 1846 (стр. 18, § 103), Пфицмайеръ 1847 (стр. 194) признали и выставляли твердое *i*, соответствующее русскому *ы*; не смотря на то, г. Шоттъ въ своемъ сочиненіи 1849. Ueber das Altäische и т. д., стр. 22, прим. 1, говоритъ: «Слуху Турка нѣтъ ничего противнаго всегда рѣзкаго и тонкаго выговора буквы *i* въ устахъ большой части иностранцевъ, и однако въ «грамматикахъ ничего не говорятъ объ этомъ.»

за у — у или а, за ү — ү или ä. Вслѣдствіе этого закона, каждая приставка въ окончаніи можетъ являться въ четырехъ видахъ: отъ аѣа отдал. п. аѣаттан, отъ äсä — äсäттän, отъ оѣо — оѣоттон, отъ дѣрѣ — дѣрѣттön, а виш. тѣхъ же имещъ: аѣаны, äсäні, оѣоцу, дѣрѣңу.

Эвфоническія перемѣны начальной согласной формальнаго элемента, по требованію окончанія матеріальнаго элемента, употребительны въ индо-германскихъ языкахъ (bhārjā-su и agni-shu, dshā-ta и ran-na, dshīr-na, bad-dha, çish-ta), но далеко не въ такой обширности, какъ въ якутскомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ приставокъ, въ которыхъ начальный звукъ является въ трехъ, четырехъ, пяти различныхъ видахъ. Такъ въ дат. п. отъ аѣа происходитъ аѣаѣа, отъ урү — урүга, отъ сурук — сурукка, отъ оѣох — оѣоххо, отъ хатың — хатыңца; 3 л. ед. повел. отъ санä — санäтын, отъ кѣр — кѣрдүн, отъ мін — міннин, отъ буол — буоллун, отъ кäl — källin; глагольные имена прошедшаго времени отъ санä — санäбыт, отъ ае — аспыт, отъ мін — мінмит; множ. отъ аѣа — аѣалар, отъ äсä — äсälär, отъ сурук — суруктар, отъ убаі — убаідар, отъ хатың — хатыңнар; отъ сурук *трамота* происходитъ суруксут *трамотый*, отъ äм *лыкарство* — äмчит *лыкаръ*, отъ тімір *жельзо* — тімірцит *кузнецъ*, отъ алтаи *мьдъ* — алтаинит *мьдъникъ*. Въ другихъ тюркескихъ языкахъ, не смотря на ближайшее родство ихъ съ якутскимъ, перемѣна согласныхъ не развита до такой степени, но въ тибетскомъ развита. Тамъ мы видимъ взаимную замѣну между ༧, ༨ и ༩, между ༠ и ༡, между ༢, ༣ и ༤, между ༥, ༦ и ༧, между ༨, ༩ и ༠, между ༡, ༢ и ༣ и т. д.

Отъ измѣнній формальнаго элемента перейдемъ къ измѣненіямъ элемента матеріальнаго, который въ такъ называемыхъ приставочныхъ языкахъ, какъ сейчасъ увидимъ, вовсе не такъ неподвиженъ, какъ обыкновенно думаютъ. Смягченіе конечной согласной, именно гортанной, предъ начальною гласною флексивной приставки въ уральско-алтайскихъ языкахъ есть явленіе весьма обыкновенное: въ якутскомъ напр. отъ сурук происходитъ суругу, отъ ох — оѣу, отъ сән — сәбі, отъ орт — ордор,

отъ *ilt* — *iljär* и т. д. Въ финскомъ господствуетъ другой законъ: тамъ начальная согласная конечнаго слога или замыкается легчайшею согласною, или опускается, какъ скоро этотъ слогъ получаетъ окончаніе, которымъ онъ замыкается; родительные: *tavar, kukan, jäl'en, kannen* и *koreamman* происходятъ отъ темъ: *tara, kukka, jälke, kaute* и *koreampa*, въ *casus Essivus* тѣ же темы имѣютъ: *tarana, kukkana, jälkenä, kantena, koreampana*⁵¹⁾. Уподобленіе конечныхъ согласныхъ ни въ одномъ, сколько мнѣ извѣстно, изъ уральско-алтайскихъ языковъ не встрѣчается такъ часто, какъ въ якутскомъ: напр. хотунца и окко — дат. п. отъ хотун и от, хотуттаръ, бысаллар и *kälällär* множ. отъ хотун, бысар и *kälär*, хотуммут *наша хозяйка* отъ хотун и оппут *наша трава* отъ от.

Ослабленіе темы, подобное санскритскому *gādshñas* отъ *gādshan* и греческому *πατρός* отъ ПАТЕР, въ якутскомъ весьма употребительно. Двухсложныя и многосложныя темы именъ и глаголовъ, оканчивающіяся согласною, обыкновенно теряютъ предшествующую ей гласную *ы, і, у, ү*, какъ скоро принимаютъ окончаніе, начинающееся гласною. По этомъ опущеніи гласныхъ, двѣ согласныя буквы приходятъ между собою въ непосредственное соприкосновеніе, и влѣдствіе того одна изъ нихъ, или даже обѣ, подвергаются перемѣнѣ. Не смотря на то, что въ этихъ сокращенныхъ формахъ иногда трудно бываетъ узнать собственный видъ темы, Якуть такъ привыкъ къ подобнымъ сокращеніямъ, что подвергаетъ онымъ темы и предъ окончаніями, начинающимися согласною, присовокупляя ихъ къ темѣ посредствомъ соединительной гласной, хотя въ другихъ случаяхъ эти окончанія обыкновенно присоединяются къ темамъ безъ посредства гласной. Нижеслѣдующіе примѣры покажутъ, въ какой мѣрѣ содѣйствуетъ это сокращеніе слиянію матеріи и формы въ одно слово: *кѳхсѳм моя стна* отъ *кѳѳѳе*, *муннум мой носъ* отъ *мурун*, *санным мое плечо* отъ *сарын*, *кәннѳм моя задняя сторона* отъ *кәлѳн*, *апшым моя верхняя сторона* отъ *алын*, *ин-*

51) Collan, Finsk Språklära, Helsingfors 1847, стр. 62 и слѣд. При нѣкоторомъ знаніи турецкаго языка, Чельгрену (Kellgren) не пришло бы на мысль (въ вышеупом. сочи. стр. 16) объяснять въ этомъ языкѣ смиченіе согласной предъ окончаніемъ, начинающимся гласною, тѣмъ же закономъ, что въ финскомъ.

ним *моя передняя сторона* отъ *ііи*, *охсуң бейте* отъ *оғус бей*, *ахтың полнитте* отъ *ағыи полни*, *усуқтаң проснитте* отъ *усугун просни*, *тохтуң вытекайте* отъ *тобун вытекай*, *оттуң зажамайте* отъ *отун зажамай*, *саптың накройтесь* отъ *сабын накройса*, *көстүң покажитте* отъ *көсүн покажисе*, *өлөрүллүң будыте убиты* отъ *өлөрүлүн будь убитъ*, *кыдың* (происшедшее изъ *кырдың*) *старыйте* отъ *кырыи старый* и т. д. Если вѣрить правописанію одного рукописнаго словаря (см. Böhtlingk, Jakutische Gramm. § 53), то казанскіе Татары предъ окончаніемъ, начинающимся гласною, опускаютъ гласную даже односложныхъ темъ, и вслѣдствіе того въ началѣ слова являются двѣ согласныя — явленіе, почти неслыханное въ уральско-алтайскихъ языкахъ, наприм.: *پچو* ptschu, *براو* bräü, *قصامن* ksamyn. Въ якутскомъ существуетъ еще другой способъ ослабленія темы, состоящій собственно также въ опущеніи легкой гласной (*i, ü, y*), но не сопровождающійся потерей цѣлаго слога: способъ этотъ — замѣна двугласныхъ *ia, yo, yö* простыми гласными *a, o, ö*, и троегласныхъ *yaï, iaï, yoï, yöï* двугласными *ya, ia, yo, yö*, напр. *бäisic пятый* отъ *биäc пять*, *онус деслтый* отъ *уон деслть*, *тöрдүс четвертый* отъ *түört четыре*, *уот* причиняющій видъ глагола отъ *уoi* и т. д.

Какъ ни значительны эти измѣненія, всѣ они впрочемъ ничто въ сравненіи съ изящнымъ движеніемъ гласныхъ въ корняхъ и темахъ языковъ индо-европейскихъ. Въ новѣйшихъ изысканіяхъ были попытки доказать, что и въ нихъ движеніе гласныхъ было первоначально эфонического свойства и только сопровождало флексію; при всемъ томъ надобно согласиться, что оно совершенно приняло видъ символическаго значенія, потому что мы уже не чувствуемъ его происхожденія и только изрѣдка можемъ достовѣрно указывать его первоначальное свойство. Видоизмѣненіе звука (Umlaut) и перемѣна одного на другой (Ab-laut) въ германскихъ языкахъ, какъ извѣстно, возведены даже въ флексивное начало: такъ нынѣ *Väter, Mütter, Brüder* значатъ множественное число по одному видоизмѣненію звуковъ (Umlaut), тогда какъ въ древнѣйшій періодъ языка оно только сопровождало существовавшую тогда флексивную форму множ. числа; точно также преходящее *du gabst, wir gaben, ihr gabet, sie gaben* нынѣ отличается отъ настоящаго: *du giebst, wir geben, ihr ge-*

bet, sie geben, только переменною гласной (Ablaut). Какъ переменна гласныхъ, такъ точно и облегченіе и усиленіе корней и темъ, именно такія, какъ въ санскритскомъ языкѣ, потеряли свой первоначальный, чисто-фонетическій характеръ и вполне приняли характеръ символическій, тогда какъ сокращеніе темъ въ якутскомъ уже съ перваго взгляда представляется непосредственнымъ слѣдствіемъ неудержимой торопливости выговора къ окончательному слогу, имѣющему на себѣ удареніе. Впрочемъ вразсужденіи движенія гласныхъ въ индо-германскихъ языкахъ не должно выпускать изъ виду, что въ нихъ сначала было, какъ это доказано, только три гласныя буквы: а, і, u, и ихъ было достаточно для обозначенія первобытныхъ понятій, а въ уральско-алтайскихъ языкахъ, напротивъ, число гласныхъ искони было больше, и въ самомъ первоначальномъ состояніи было дѣйствительно нужно для выраженія понятій, тѣмъ болѣе, что количество согласныхъ, сравнительно, было невелико, и что различіе нѣмыхъ *твердыхъ* и *мягкихъ* согласныхъ имѣло, какъ кажется, только фонетическое значеніе. Индо-германскіе языки могли сынать безъ счету своими благопріобрѣтенными гласными: языки уральско-алтайскіе должны были употреблять свое богатство бережливо, по мѣрѣ надобностей, къ чему они больше были приучены отъ самаго начала.

Самый рѣшительный признакъ слабаго соединенія матеріи съ формою въ такъ называемыхъ приставочныхъ языкахъ лингвисты находили, по видимому, въ томъ, что здѣсь, вопреки обычаю языковъ индо-германскихъ, формальный элементъ присовокупляется обыкновенно не къ корню или темъ, извлекаемымъ изъ разныхъ формъ слова, а къ готовому слову, которое въ этомъ видѣ своемъ употребляется и нынѣ ⁵²⁾. Сколь мнѣ извѣстно, истинное значеніе этого явленія еще не было выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ: оно состоитъ собственно въ томъ, что въ индо-германскихъ языкахъ чистыхъ корней и темъ, безъ флексіи, сохранилось гораздо меньше, чѣмъ въ уральско-алтайскихъ, и

52) То же, конечно, разумѣть и г. Шоттъ, когда на стр. 47 своего «Оныта» говоритъ: «Окончаніе здѣсь не срастается съ словомъ, не вѣдряется въ него, и, стало быть, здѣсь нельзя и говорить о склоненіи: частицы ставятся къ окончанію, а не на мѣсто его.» Отмѣченными словамъ г. Шоттъ придаетъ особенное выраженіе, но въ другомъ смыслѣ, чѣмъ я.

что сохранившіеся потерпѣли по большой части разныя эфоническія измѣненія въ своемъ окончаніи; въ уральско-алтайскихъ же, напротивъ, тема глаголовъ, безъ всякой флексіи, употребляется въ значеніи 2-го л. повел. накл., которое не получило особенной звуковой формы для своего выраженія, а темы именъ безъ флексіи употребляются въ значеніи субъекта, предиката, атрибута, а иногда и въ значеніи объекта переходящаго дѣйствія. Согласныя, которыхъ, какъ уже замѣчено, въ уральско-алтайскихъ меньше, чѣмъ въ индо-германскихъ, испытали въ концѣ словъ меньше перемѣнъ, какъ кажется, потому что изъ нихъ искони весьма немногія были терпимы на концѣ словъ. Изъ того, что Тюрки и Монголы пишутъ флексивныя окончанія иногда отдѣльно отъ словъ, хотѣли вывести заключеніе, что они сами принимали эти окончанія за отдѣльные слова. По моему же мнѣнію, отдѣльное правописаніе окончаній произошло только вслѣдствіе сознанія, что тема, предшествующая окончанію, составляетъ полное, настоящее слово. Точно также Индійцы, въ правописаніи Ведъ, называемомъ *Paḍa-pāṭha*, писали тему отдѣльно отъ каждаго падежнаго окончанія, начинающагося буквою ष, и отъ падежнаго окончанія ष, единственно потому, что тема, оканчивающаяся согласною, предъ упомянутыми окончаніями подвергается такой же перемѣнѣ звуковъ, какъ полное слово предъ другимъ полнымъ словомъ (*paḍa*). Изъ этого правописанія, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ санскритистъ не думалъ заключать, что Индійцы принимали падежныя окончанія за самостоятельныя слова. Въ языкѣ Парси окончанія сравнительной степени *𐬨𐬀𐬎𐬎* и превосходной *𐬨𐬀𐬎𐬎𐬀* иногда отдѣляются точкою отъ прилагательнаго, къ которому онѣ прикладываются⁵³⁾: изъ этого однакожъ, конечно, ни одинъ знатокъ индо-германскихъ языковъ не заключитъ, что эти слоги были въ языкѣ Парси ненастоящими окончаніями. И здѣсь раздѣльное правописаніе основано на томъ, что окончаніе дается къ полному слову. Въ якутскомъ языкѣ, по всей вѣроятности, никому не придетъ въ голову писать формальный элементъ отдѣльно отъ матеріальнаго, во-первыхъ, потому что здѣсь матеріальный элементъ часто подвергается, какъ мы видѣли, боль-

53) Spiegel, Grammatik der Pārsisprache nebst Sprachproben, стр. 58.

шимъ перемѣнамъ, и, во-вторыхъ, потому, что формальный элементъ беспрестанно измѣняетъ свой видъ. Можетъ быть, и Тюрки и Монголы не попали бы на это правописаніе, еслибы не получили письма, вовсе не способнаго представлять зрѣнію ясно ощутительную для слуха перемѣну гласныхъ въ формальномъ элементѣ. Впрочемъ и самый упрекъ приставочнымъ языкамъ, что они допускаютъ формальный элементъ уже къ готовому, налично существующему слову, подлежитъ значительному ограниченію; случаи, гдѣ матеріальный элементъ, принимая формальный, подвергается измѣненію, мы показали выше: здѣсь намъ остается обратить вниманіе только на тѣ случаи, когда полныя слова, остающіяся въ живомъ употребленіи безъ флексіи, несходны съ темами, полагаемыми въ основаніе флексивныхъ формъ. Въ тюркскихъ языкахъ, какіе намъ до сихъ поръ были извѣстны, мы замѣчаемъ это собственно въ мѣстоименіяхъ третьяго лица, но въ якутскомъ это несходство является во всѣхъ мѣстоименіяхъ. Вин. отъ *мін я* здѣсь — *mijigın*, дат. *mijjähä*, отдалит. *mijigıtän*; вин. отъ *ән ты* — *äjigın*, дат. *äjijähä*, отдал. *äjigıtän*; вин. отъ *бу этотъ* — *маны*, дат. *маныха*, отдал. *мантан*; вин. отъ *ол тотъ* — *ону*, дат. *онуоха*, отдал. *онтон*. То же самое представляютъ приставочныя мѣстоименія: *аѣам мой отецъ*, вин. *аѣабын*, дат. *аѣабар*, отдал. *аѣабыттан*; *аѣаң твой отецъ*, вин. *аѣаѣын*, дат. *аѣаѣар*, отд. *аѣаѣыттан*; *аѣата его отецъ*, вин. *аѣатын*, дат. *аѣатыгар*, отд. *аѣатыттан*. Подобное явленіе мы встрѣчаемъ и въ глаголахъ, но только въ видѣ исключенія: лишенныя формы флексіи: *ас коли*, *мус собери* и *сыс бей*, можно привести къ темамъ *анч* = *انچ*, *мунч* и *сынч* (см. *Jakut. Gramm.* § 171), которыя, принимая окончанія, начинающіяся гласною, являются въ видѣ *анн*, *мунн* и *сынн*; такъ напр. 2 л. множ. повел. *анның*, *муинун*, *сынның*. Въ финскомъ языкѣ такъ называемый именительный, пеймьющій флексіи, весьма часто несходенъ съ темою въ собственномъ смыслѣ; такъ напр. именительнымъ: *jälki*, *kansi*, *koreampi*, *taivas*, *totuus*, соотвѣтствуютъ темы *jälke*, *kante*, *koreampa*, *taivaha*, *totuute*⁵⁴⁾.

До сихъ поръ, сколько мигъ извѣстно, не было обращено

вниманія на одно явленіе, которое, по моему мнѣнію, имѣетъ значительный вѣсъ при оцѣнкѣ языковъ со стороны связи между матеріей и формой. Въ такъ называемыхъ приставочныхъ языкахъ, за исключеніемъ чисто-эфоническихъ перемѣтъ, происходящихъ по всеобщимъ законамъ, одно и то же отношеніе во всѣхъ совокупленіяхъ выражается одинаковымъ образомъ, тогда какъ въ языкахъ индо-германскихъ при нѣкоторыхъ темахъ или цѣлыхъ разрядахъ извѣстное отношеніе выражается иначе, чѣмъ въ остальныхъ темахъ или разрядахъ, и это различіе выраженія не объясняется общимъ эфоническимъ закономъ. Такъ напр. въ уральско-алтайскихъ языкахъ только *одно* склоненіе и *одно* спряженіе и очень мало неправильныхъ формъ, а въ индо-германскихъ обыкновенно по нѣскольку склоненій и спряженій и множество неправильныхъ формъ, которыя всѣ указываютъ на продолжительную или по крайней мѣрѣ усиленную индивидуальную жизнь грамматическихъ формъ.

Соображая всѣ эти явленія въ совокупности, надобно сознаться, что въ индо-германскихъ языкахъ матерія и форма соединяются между собою вообще гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ уральско-алтайскихъ, но что и въ нѣкоторыхъ членахъ этого послѣдняго племени, именно въ финскомъ⁵⁵⁾ и якутскомъ, матерія и форма вовсе не такъ поверхностно *припалы* другъ къ другу, какъ полагають Поттъ и другіе лингвисты. Сказать откровенно, я считаю способъ соединенія матеріи и формы даже слишкомъ вышнимъ признакомъ, чтобы на немъ одномъ основывать классификацію языковъ⁵⁶⁾. Степень совокупленія матеріи и формы состоитъ въ тѣсной связи съ фонетическою способностью народа, но вмѣстѣ и съ древностью и продолжительностью употребленія формъ. Въ языкахъ индо-германскихъ, стоящихъ, по способу соединенія матеріи и формы, выше уральско-алтайскихъ, образованіе формъ началось, какъ я глубоко въ томъ

55) «Въ финскомъ языкѣ и у его братьевъ, въ языкахъ сѣверо-американскихъ», говоритъ г. Штейнталь (Allgemeine Monatschrift für Literatur, 1830, мартъ, стр. 214), «соединеніе корня и окончанія столь же тѣсно, какъ въ санскритскомъ, а иногда еще тѣснѣе.» Съ другой стороны, г. Штейнталь (Die Classification der Sprachen, стр. 8) спрашиваетъ, обращаясь къ Потту: «какъ же про-сказываетъ матерію форма напр. въ *tī-ṣṭi-ṛi, lō-ṣe?* Какъ матерія и форма сливаются здѣсь въ единство? Не складываютъ ли они, лучше, почти только спаружки?»

56) Ср. также Steinthal, Die Classification der Sprachen, стр. 8.

убѣжденъ, значительно раньше, чѣмъ въ послѣднихъ. Изъ числа послѣднихъ финскій языкъ приступилъ къ образованію формъ раньше тюркескаго, а этотъ въ свою очередь раньше монгольскаго. Въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ индо-германскихъ народовъ мы встрѣчаемъ грамматическія формы на такой высотѣ, далѣе которой они впоследствии уже не простирались; возникшее на развалинахъ этихъ формъ надобно принимать за новое твореніе формъ. Уральско-алтайскіе языки, можетъ быть за исключеніемъ финскаго, не достигли высшей степени перваго образованія формъ: встрѣчающіяся въ нихъ формы безъ флексіи суть остатки древнѣйшаго періода языка, когда еще не была развита флексія; въ индо-германскихъ же языкахъ слова безъ флексіи произошли отъ потери флексивныхъ формъ. Сравненіе народнаго языка Монголовъ и Калмыковъ съ ихъ литературнымъ языкомъ совершенно ясно показываетъ, какъ въ недалекомъ отъ насъ прошедшемъ образовались грамм. формы. Монгольскій литературный языкъ не знаетъ еще приставочныхъ мѣстоименій, ни притяжательныхъ, ни предикатныхъ; въ языкѣ нынѣшнихъ Бурятъ оба эти разряда приставочныхъ мѣстоименій уже развиты, хотя не вездѣ отличаются другъ отъ друга по формѣ⁵⁷⁾: глаголь у нихъ спрягается по лицамъ. То же явленіе встрѣчаемъ мы у Калмыковъ: *üsädshi bainu tshi да видишь* въ народномъ языкѣ сокращается въ *üsädshänütsch, ögüngädshi bainai bi я скоро пойду* — въ *ögüngädshänäh*⁵⁸⁾. Точно также послѣположеніе *ätsä* соединяется съ своимъ именемъ въ недѣлимую единицу и становится настоящимъ падежнымъ окончаніемъ: *chaghâsa откуда*, въ литературномъ языкѣ *chamigha ätsä*⁵⁹⁾. Изъ этого видно, какъ опрочетливо выводятъ изъ судьбы индо-германскихъ языковъ заключеніе, что исторія языковъ, въ смыслѣ исторіи ихъ образованія, принадлежитъ ко временамъ доисторическимъ⁶⁰⁾!

57) Castrén, De affixis personalibus etc. стр. 16.

58) Schmidt, Würdigung und Abfertigung der Klaproth'schen sogenannten Beleuchtung и т. д. стр. 72. Шмидтъ пишетъ *üsüdschänütsch* и *ögüngädshänäh*; н у него есть только знакъ долготы, какъ видно изъ переложенія словъ на 76-й стр.

59) Тамъ же.

60) Schleichner, Zur vergleichenden Sprachengeschichte, стр. 20 и слѣд. Ср. Steinthal, Die Classification der Sprachen, стр. 77. «Чтобы составленіе словъ

При физиологическомъ дѣленіи языковъ нельзя выпускать изъ виду внѣшнихъ признаковъ, которые можно назвать морфологическими; но на внутренніе признаки, которые я готовъ называть логическими, должно обращать особенное вниманіе. При рѣшеніи вопроса о родствѣ двухъ языковъ, все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ и какими звуками обозначаются въ разсматриваемыхъ языкахъ первоначальныя понятія и отношенія ихъ; когда же нужно опредѣлить степень развитія одного языка въ сравненіи съ другимъ, то надобно обращать вниманіе преимущественно на различныя категоріи производства понятій и ихъ отношеній, какъ скоро онѣ выражены звуками ⁶¹⁾. Чтобы распределить языки по своимъ мѣстамъ на основаніи такихъ признаковъ, надобно прежде всего знать самыя эти признаки, а ихъ найдешь не во всякой грамматикѣ; когда же они наконецъ собраны, то возникаетъ вопросъ о ихъ относительной важности. Я попытаюсь здѣсь представить въ этомъ родѣ характеристику якутскаго языка, въ той надеждѣ, что мой примѣръ найдетъ подражаніе у будущихъ изслѣдователей языковъ, и такимъ образомъ мало по малу проложится путь къ физиологическому дѣленію языковъ. Если мой опытъ не вполне удался, то по крайней мѣрѣ другихъ онъ наведетъ на прямую дорогу. Еслибы другіе тюркскіе языки мнѣ были столько же извѣстны, какъ якутскій, то, само собою разумѣется, я выставилъ бы сперва общіе признаки всей фамиліи и потомъ особенныя свойства языка якутскаго.

Морфологическіе признаки якутскаго языка.

Восемь гласныхъ, какъ кажется, одинаково древнихъ, дѣлятся поровну на четыре *твердые* и на четыре *мягкія* и въ дру-

«могло перейти въ сложеніе, а сложеніе въ параченіе, во времена историческія, вѣдѣвствіе спокойнаго развитія народнаго духа, этому трудно повѣрять, и «сдѣвали можно отыскать что-либо подобное въ исторіи.»

61) Штейнталь въ томъ же соч. стр. 71 говоритъ: «опредѣлить признаковъ для дѣленія языковъ надобно, прежде всего и предпочтительно предъ всѣмъ, по «духу языка (innern Sprachsinne) и по произведенію его — внутренней формѣ, то-есть по языковымъ категоріямъ, грамматическимъ формамъ, образуемымъ въ сознаніи народа, или по формамъ, въ какихъ народъ представляетъ себѣ свои воззрѣнія. Это внутреннее образованіе формъ совершенно опредѣлительно обнаруживается потомъ внѣшнимъ образомъ.»

гомъ отношеніи на четыре *тяжелыя* и четыре *легкія*. Въ одномъ и томъ же словѣ всегда являются или одиѣ *твердыя*, или одиѣ *мягкія* (согласованіе или гармонія гласныхъ). Въ окончаніяхъ *твердыя* гласныя замѣняются только *твердыми*, *мягкія* только *мягими*. Всѣ восемь гласныхъ бываютъ то краткими, то долгими. Изъ соединенія *легкихъ* гласныхъ съ соответствующими имъ *тяжелыми* происходятъ двугласныя (ыа, іа, уо, үö), а присоединеніемъ буквы і къ этимъ двугласнымъ образуются троегласныя (ыаі, іаі, уоі, үöі). Кроме того, каждая изъ осьми гласныхъ можетъ составлять съ буквою і двугласную, въ которой начальная гласная бываетъ то короткою, то долгою. Долгія гласныя, двугласныя и троегласныя нерѣдко происходятъ отъ сокращенія двухъ слоговъ. Согласныя, въ сравненіи съ гласными, малочисленны; всѣхъ обиліе разрядъ гортанныхъ. Различіе между *твердыми* и *мягими* согласными (к и г, х и ґ, т и д, п и б), кажется, не первобытно и, вѣроятно, имѣетъ только эфоническое значеніе⁶²). Между извѣстными гласными и согласными есть сильное сродство и отвращеніе. Двѣ согласныя въ началѣ и въ концѣ слога, съ немвогими исключеніями, нетерпимы. *Мягкія* согласныя, за исключеніемъ плавныхъ, на концѣ слога не употребляются. Довольно значительное количество темъ именъ и глаголовъ односложны и, по видимому, не имѣютъ между собою связи, но еще болѣе темъ двусложныхъ и даже трехсложныхъ; но неразложимыя темы изъ четырехъ и пяти слоговъ рѣдки. Нѣкоторые звуки, болѣе или менѣе часто встрѣчающіеся на концѣ темы именъ, вовсе не встрѣчаются, или по крайней мѣрѣ неравненно рѣже, на концѣ глагольныхъ темъ. Производныя понятія и ихъ отношенія всегда обозначаются приставкою къ концу слова. Формальные элементы обыкновенно односложны, иногда же они состоятъ изъ одной гласной. Одно и то же отношеніе обозначается всегда однимъ и тѣмъ же способомъ; переменны формального элемента подчинены общимъ эфоническимъ законамъ. Формальный элементъ весьма рѣдко встрѣчается совершенно изгладившимся; еще рѣже случаи, гдѣ формы, бывшія первоначально различными, получили одинаковый видъ. Конечныя со-

62) Касательно системы согласныхъ въ финскомъ языкѣ ср. Kellgren, въ вышеприв. соч. стр. 40.

гласныя темы, принимая окончанія, подвергаются большимъ перемѣнамъ, точно также и начальныя согласныя окончанія, вълѣдствіе вліянія согласной, оканчивающей тему. Остальныя перемѣны корней и темъ ограничиваются сокращеніемъ и опущеніемъ гласныхъ, но нигдѣ не достигаютъ характера символическаго способа обозначенія понятія звукомъ. Окончаніе обыкновенно придается къ полнѣйшему виду темы, который составляетъ въ то же время полное слово. Предъ падежными окончаніями всего меньше происходитъ перемѣнъ въ темахъ; матерія и форма всего глубже соединены между собою въ мѣстоименіи. Удареніе дѣлается на послѣднемъ слогѣ.

Логическіе признаки.

Темы именъ и глаголовъ строго отличаются другъ отъ друга⁶³). Тема глагола безъ флексіи является во 2-мъ лицѣ единств. повелительн.; тема имени безъ флексіи употребляется въ смыслѣ субъекта, атрибута, объекта переходящаго дѣйствія, когда онъ неопредѣленъ, также въ смыслѣ предиката и наконецъ въ значеніи нарѣчія. Различія корня и темы отъ полного слова не существуетъ: по недостатку этого различія и вмѣстѣ по причинѣ строгости законовъ согласованія гласныхъ, въ языкѣ нѣтъ собственно сложныхъ словъ⁶⁴). Имена и мѣстоименія даютъ отъ себя нѣсколько производныхъ словъ; изъ простыхъ и производныхъ глагольныхъ темъ (между послѣдними много производныхъ отъ именъ) образуются глаголы возвратные, страдательные, причиняющіе, взаимные и интенсивные. Производныя темы глаголовъ сами по себѣ составляютъ 2-е л.

63) Г. Штейнталь въ упоминаемомъ нами сочиненіи, стр. 82, на таблицѣ, гдѣ онъ размѣстилъ языки по своей системѣ, показывая главные признаки отдѣльныхъ фамилій и дѣльныхъ группъ языковъ, въ маньчжурскомъ и монгольскомъ вовсе отрицаетъ существованіе категорій, между тѣмъ о тюркскихъ нарѣчіяхъ говоритъ, что въ нихъ различаются категоріи бытія и дѣйствія. Но этотъ признакъ надобно распространить и на тѣ два языка, потому что и въ нихъ, какъ въ тюркскихъ языкахъ, номинальные корни отличны отъ вербальныхъ.

64) Кромѣ законовъ гармоніи гласныхъ, образованію сложныхъ словъ, по мнѣнію Челъгрена (тамъ же, стр. 31), мѣшаетъ также неизмѣняемость кореннаго слога: но и въ нидо-германскихъ языкахъ при сложеніи словъ происходятъ только эвфоническія перемѣны.

единств. повелит. Отъ темъ глаголовъ производится множество глагольныхъ именъ, съ сохраненіемъ значенія времени, и безъ онаго; отъ нихъ же происходитъ много прилагательныхъ. Грамматическихъ родовъ нѣтъ; нѣтъ также степеней сравненія въ прилагательныхъ. Особенныя окончанія для винительнаго опредѣленнаго и неопредѣленнаго, дательнаго, отдалительнаго, мѣстнаго, творительнаго, опредѣлительнаго (*Adverbialis*), соединительнаго и сравнительнаго. Особенное окончаніе для множественнаго числа. Имя во множ. ч. безъ всякаго другаго окончанія, употребляется въ значеніи субъекта, предиката и атрибута, но никогда не ставится въ значеніи объекта, какъ въ едип. числѣ. Два рода приставочныхъ мѣстоименій, но не вездѣ различаемые строго: предикатныя и притяжательныя. Предикатныя прикладываются ко всякому предикату 1-го и 2-го лица, за исключеніемъ личнаго глагола (*verbum finitum*), уже снабженнаго личнымъ окончаніемъ: они замѣняютъ связку между субъектомъ и предикатомъ въ другихъ языкахъ. Предикатъ, относимый къ 3-му лицу, не принимаетъ предикатной приставки. Притяжательныя приставки служатъ вмѣстѣ и предикатными окончаніями для обозначенія прошедшаго времени (*min suozum moe otсутствіе* значить также: *я былъ въ отсутствіи*). Личный глаголъ и глагольныя имена настоящаго, прошедшаго и будущаго времени, имѣютъ утвердительную и отрицательную форму. Настоящіе личные глаголы суть ⁶⁵⁾: повелительн. наст. и буд., совершенное, условное и предположительное накл. въ утвердительной и отрицательной формѣ, первыя два лица настоящаго и совершимаго (*Perfectiv*) въ утвердительной формѣ. Всѣ прочія формы выраженія дѣйствія представляютъ въ себѣ глаголь-

65) Г. Штейнталъ (тамъ же) выставляетъ главнымъ и единственнымъ признакомъ тюркскихъ языковъ то, что спряженіе въ нихъ происходитъ посредствомъ совокупленія корня съ существительнымъ глаголомъ. Но на стр. 87 этотъ признакъ имъ же самимъ уничтожается: тамъ онъ говоритъ: «Такъ называемый «существительный глаголъ въ тюркскихъ языкахъ не заслуживаетъ довѣрія. Если «Тюрки имѣли силу наблюдать одинъ глаголъ флексивными окончаніями, то почему не могли они точно также спрягать другихъ?» Сколько вздору было говорено о существительномъ глаголѣ въ тюркскихъ языкахъ, я старался раскрыть въ *Bulletin historico-philologique*, т. V, стр. 348 и слѣд., или *Kritische Bemerkungen zu Kazem-bek's Grammatik*, стр. 55 и сл., и приобрѣлъ своей критикѣ одобреніе даже отъ г-на Шотта (см. *Erman, Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*, т. VIII, стр. 35).

ныя имена, снабженныя предикатными или притяжательными приставками; послѣднія въ одномъ и томъ же видѣ служатъ и субъектомъ и атрибутомъ. Есть разные роды герундій, которыя употребляются подобно нарѣчіямъ, для опредѣленія личныхъ глаголовъ и глагольныхъ именъ. Отъ прилагательныхъ производятся особенныя нарѣчія для ближайшаго опредѣленія дѣйствія. Ни предлоговъ, ни послѣположеній въ собственномъ смыслѣ нѣтъ: мѣсто ихъ занимаютъ герундіи и имена. Почти полное отсутствіе союзовъ. Согласованія между прилагательными и существительными также нѣтъ: прилагательныя ставятся предъ существительными всегда въ своей основной формѣ, то-есть въ неопредѣленномъ падежѣ (*casus indefinitus*). Если множественность, опредѣленно или неопредѣленно, обозначается уже особеннымъ словомъ, то имя не принимаетъ формы множественнаго числа. Управляемые и опредѣляющія слова въ предложеніи ставятся обыкновенно прежде управляющихъ и опредѣляемыхъ.

Родство якутскаго языка съ тюркскими было угадано еще до изученія его грамматики. Но изъ предлагаемаго сочиненія (*Ueber die Sprache der Jakuten*) читатель можетъ усмотрѣть, что между извѣстными, кромѣ якутскаго, членами тюркской фамиліи значительно меньше различія, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ якутскимъ. Языкъ языческихъ Татаръ въ Сибири, сколько я знаю изъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ Кастреномъ, кажется, также ближе къ языку мугаметанскихъ Татаръ, нежели къ языку христіанскихъ Якутовъ. Если Якуты, дѣйствительно, первые, какъ я полагаю, отдѣлились отъ прочихъ членовъ своей фамиліи, говорившихъ еще однимъ языкомъ, то, можетъ быть, кстати было бы назвать это многочисленное семейство языковъ турецко-якутскимъ.

Отношенія этой фамиліи къ прочимъ членамъ уральско-алтайскаго племени нельзя здѣсь пройти молчаніемъ. Называя это племя просто алтайскимъ, Кастренъ дѣлитъ его на пять фамилій: на финскую, самоѣдскую, тюркскую (турецко-якутскую), монгольскую и тунгусскую. Первые три фамиліи,

по его мнѣнію, ближе одна къ другой, чѣмъ къ двумъ другимъ. По своимъ зрѣлымъ познаніямъ во многихъ языкахъ этого племени, изъ которыхъ иные намъ извѣстны почти только по имени, Кастренъ былъ; конечно, способности всякаго другаго рѣшать вопросъ о ихъ родственныхъ отношеніяхъ: между тѣмъ онъ, въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи: *De affixis pronominibus linguarum altaicarum* (стр. 1 и далѣе), говоритъ слѣдующее: «Сколько можно заключать изъ сдѣланнаго нами въ области этихъ языковъ изслѣдованія, между ними нельзя и думать «о такой тѣсной родственной связи, какъ между языками индо-германскими, соединяющимися между собою подобно вѣтвямъ «одного общаго корня⁶⁶). Но и теперь, какъ прежде, мы находимъ между ними множество явныхъ соотвѣтствій и съ *формальной* и съ *материальной* стороны, особенно между языками «финскимъ, самоѣдскимъ и тюркскимъ. Такъ ли значительно «это соотвѣтствіе, чтобы на основаніи его надобно было отнестись помянутые языки къ одному общему корню, рассмотреть «этотъ вопросъ — дѣло ближайшей будущности. По нашему же мнѣнію, языки эти, по своему взаимному различію, распадаются на *племена* или, лучше, на *фамиліи*, принадлежащія впрочемъ къ одному *классу* или, какъ говорится нынѣ, къ одной *расѣ*. Впрочемъ, какъ бы мы ни представляли себѣ отношенія «между этими языками, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что все «они тѣснѣе связаны между собою, нежели съ племенемъ индо-германскихъ и другихъ извѣстныхъ языковъ.» Сходство приставочныхъ мѣстоименій въ уральско-алтайскихъ языкахъ, какъ отзывается и Кастренъ въ этомъ разсужденіи, не можетъ служить существенно важнымъ пособіемъ къ опредѣленію ихъ родственныхъ отношеній. Приставочныя мѣстоименія вездѣ произошли изъ самостоятельныхъ: поэтому, большее или меньшее сходство между ними есть слѣдствіе такого же сродства между

66 По словамъ Аугсбургской Всеобщей Газеты (*Augsburger Allgemeine Zeitung*, см. Приложение къ № 300, 27 октября 1850, стр. 4796), извѣстный венгерскій путешественникъ Регули дѣлитъ уральско-алтайское племя на 6 фамилій, прибавляя къ вышеупомянутымъ пяти, и ставя волагъ-финской, мадьярскую фамилію. Эти шесть фамилій, по словамъ упомянутой газеты, отнюдь не ближе (sic) другъ къ другу, чѣмъ члены индо-европейскаго племени между собою, именно: языки индійскіе (sic), романскіе (sic), германскіе, кельтскіе, славянскіе и персидскій (sic).

самостоятельными мѣстоименіями, а сходство это несколько не помогаетъ рѣшить главнаго вопроса, потому что оно есть въ известной степени не только въ кругѣ уральско-алтайскихъ языковъ, но и между этимъ племенемъ и индо-германскимъ. Кастренъ заключаетъ свое разсужденіе значительными и столько же скромными словами: «Бывъ достаточно убѣждены, что «сравненіе алтайскихъ языковъ нынѣ было бы еще преждевременно, въ этомъ разсужденіи мы обращали вниманіе преимущественно на каждый языкъ порознь, и только слегка касались сходствъ между ними въ образованіи приставочныхъ мѣстоименій.»

Подобно Кастрену, и г-нъ Штейнталь признаётъ между тюркскими и финскими языками ближайшее отношеніе, чѣмъ между финскими и алтайскими, и принимаетъ для тѣхъ и другихъ общее названіе *алтайско-уральскихъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о египетско-семитическо-санскритскомъ племени⁶⁷⁾, то-есть, не признавая въ нихъ одинаковой грамматики, онъ признаётъ сродство ихъ по корнямъ⁶⁸⁾. Г. Шоттъ допускаетъ тѣснѣйшее отношеніе между алтайскими и уральскими языками и старается доказать это въ двухъ сочиненіяхъ. Въ одномъ, выдаваемомъ только за *Опытъ о татарскихъ языкахъ*, г. Шоттъ приводитъ нѣсколько общихъ признаковъ татарскихъ (тюркскаго, монгольскаго, тунгусскаго) языковъ и замѣчаетъ сходства въ словахъ, корняхъ и даже въ нѣкоторомъ количествѣ грамматическихъ окончаній. Другое сочиненіе г. Шотта: *Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht*, почти все посвящено сравненію словъ и корней; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ и общую характеристику нѣлаго племени. Попытку доказать родство тюркскаго, монгольскаго и тунгусскаго языковъ сходствомъ грамматическихъ формъ надобно признать неудачною, потому что въ ней только весьма немногимъ изъ окончаній удалось приобрѣсть нѣкоторый призракъ первобытнаго тождества. Прежде нежели перейду къ характеристикѣ

67) Братство между алтайскими и уральскими языками, по мнѣнію г. Штейнтала (тамъ же, стр. 86) доказано неопровержимо. Ужели то же можно сказать о семитическихъ и индо-германскихъ языкахъ?

68) Allgemeine Literatur-Zeitung, Halle 1849, т. II, стр. 248.

сравненій г. Шотта, позволяю себѣ подвергнуть испытанію общіе признаки уральско-алтайскихъ языковъ, выставленные имъ въ позднѣйшемъ сочиненіи.

На стр. 26-й говорится: «Корни словъ не допускаютъ при-
«ставокъ спереди: всѣ прибавленія, какъ для образованія частей
«рѣчи, такъ и для выраженія отношеній, дѣлаются на концѣ
«словъ. Въ финскихъ языкахъ въ остзейскомъ краѣ пытались
«въ продолженіе нѣкотораго времени ввести употребленіе глаго-
«ловъ съ неотдѣлимыми предлогами, но языкъ скоро отвергъ
«это нововведеніе. Только въ мадыарскомъ языкѣ допускается
«совокупное произношеніе предлога съ корнемъ*), но предлогъ
«весьма легко отдѣляется отъ корня.»

*) «О звуковомъ сліяніи ободѣхъ нечего и думать.»

Сложеніе съ предлогами смѣшивается здѣсь съ словопроиз-
водствомъ и флексіею. За исключеніемъ приращенія (Augment),
словопроизводные и флексивные элементы и въ индо-герман-
скихъ языкахъ придаются къ концу словъ. Касательно предло-
говъ было бы гораздо проще сказать, что ихъ вовсе нѣтъ въ язы-
кахъ уральско-алтайскихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они су-
ществуютъ въ индо-германскихъ. Звуковое сліяніе предлоговъ
съ словами рѣдко встрѣчается и въ индо-германскихъ языкахъ;
а въ древнѣйшемъ состояніи языка не было даже и совокупнаго
ихъ выговора.

На стр. 27: «Напротивъ того, два самостоятельные корня
«очень могутъ совокупляться въ одно, сложное слово, причемъ
«одинъ изъ нихъ, конечно, долженъ предшествовать другому,
«другой слѣдовать. Наклонность къ образованію такихъ слож-
«ныхъ словъ всего сильнѣе обнаруживаютъ финскіе языки; тун-
«гусскіе же и туркскіе⁶⁹⁾ несравненно умѣреннѣе въ этомъ от-
«ношеніи.»

Другіе говорятъ, напротивъ, — и имѣютъ на то полное пра-
во, — что въ уральско-алтайскихъ языкахъ вовсе нѣтъ словосло-
женія въ собственномъ смыслѣ: это поставлено на видъ именно
въ финскихъ языкахъ⁷⁰⁾. Если же непременно надобно говорить

69) Въ оригиналѣ: Turksprachen: вѣрно, и въ Türken и türkisch г. Шоттъ
считаетъ за вѣдѣцкую перемѣну, какъ въ словахъ Schlünde и hündisch.

70) Чельгрень, тамъ же, стр. 31.

о сложныхъ словахъ, то почему только корнямъ именно приписывается способность къ совокупленію? А что «при сложеніи корней одинъ изъ нихъ долженъ предшествовать, а другой слѣдовать», это замѣчено удивительно тонко и совершенно кстати послѣ того, какъ выше было сказано, что «корни словъ не допускаютъ приставокъ спереди.»

Тамъ же: «Совокупленіемъ двухъ или даже нѣсколькихъ «корней надобно также признать по меньшей мѣрѣ часть тѣхъ «производныхъ глаголовъ, которые кратко и сильно выражаютъ «нѣсколько побочныхъ обстоятельствъ, выражаемыхъ въ другихъ языкахъ вспомогательными глаголами, прибавкою нарѣчій или другимъ образомъ.»

Какъ скоро одна часть производныхъ глаголовъ признана словосложеніемъ, то и всѣ остальные имѣютъ одинаковое право на это названіе. Но производные глаголы могутъ быть признаны сложными только въ томъ смыслѣ, что словопроизводный ихъ элементъ, по всей вѣроятности, произошелъ отъ корня, нѣкогда бывшаго самостоятельнымъ. Производные глаголы есть, какъ извѣстно, и въ индо-германскихъ языкахъ, лишь не въ такомъ обиліи: и здѣсь они объясняются изъ словосложенія.

Тамъ же: «Сложеніе одного корня съ другимъ или съ грамматическою приставкою въ татарскихъ нарѣчійхъ и въ нѣкоторой части финскихъ или вовсе не производитъ перемѣны звуковъ, или производитъ только весьма незначительную перемѣну.»

Между тѣмъ самъ же г. Шоттъ не считаетъ этой характеристики за общій признакъ уральско-алтайскихъ языковъ, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ присовокупляетъ: «Остзейскіе «Финны въ своемъ, прекрасно развитомъ измѣненіи окончанія «темы обнаруживаютъ полное жизни бѣненіе пульса, которое у «Лапонцевъ становится уже гораздо слабѣе и не такъ ровно, а «въ нарѣчійхъ Урала доходитъ до мертвеннаго оцѣненія.» Не должно ли заключать изъ этого поэгического изображенія, что въ лапонскомъ языкѣ и уральскихъ нарѣчійхъ въ ихъ молодости пульсъ бился съ большею полнотою жизни? И это заключеніе подтверждается дальнѣйшими выраженіями г. Шотта: «Гдѣ «возникла эта органическая жизнь, отличающая языкъ Суми и

«ихъ эстонскихъ братьевъ, — въ сѣверной Азiи, или только въ сѣверной Европѣ? Такъ какъ нѣкоторое дѣйствіе» (этой, конечно, всюду *органической жизни*) «обнаруживается во всей чудской области, то вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, должно рѣшить «въ пользу сѣверной Азiи.»

Стр. 29: «Слова, выражающія отношеніе, или предлоги (называемые, по своему мѣсту, послѣположеніями) всегда ставятся послѣ слова, къ которому относятся. Нѣкоторыя изъ этого разряда словъ, не имѣющія самостоятельнаго значенія и отличающіяся краткостью формы, приставляются къ слову безъ всякаго посредства, и отчасти по этой причинѣ, отчасти же потому, что имѣютъ самое обширное значеніе, ихъ можно называть падежными частицами. Но другія послѣположенія, и притомъ большая часть ихъ, требуютъ посредничества, для чего и употребляется та или другая изъ падежныхъ частицъ, — всего обыкновеннѣе частица родительнаго.»

Предлоговъ въ смыслѣ индо-германскихъ языкаи уральско-алтайскіе, какъ уже замѣчено, не имѣютъ. Большая часть такъ называемыхъ послѣположеній — имена въ формѣ темы (*casus indefinitus*) или съ какимъ-либо падежнымъ окончаніемъ, или разнаго рода герундіи. По общему закону, уже давно замѣченному⁷¹⁾ въ уральско-алтайскихъ языкахъ, слово управляемое (и опредѣляющее) обыкновенно предшествуетъ управляющему (и опредѣляемому); стало быть, и имя должно предшествовать такъ называемому послѣположенію. Падежныя окончанія тѣмъ отличаются отъ послѣположеній, что всегда прикладываются къ темъ имени, не могутъ быть отдѣлены отъ нея и вовсе не обнаруживаютъ въ себѣ самостоятельной жизни.

Стр. 30: «Во всемъ финско-татарскомъ племени языковъ «послѣположенія обнаруживаютъ въ себѣ силу преобладающую: «они дозволяютъ являться въ рѣчи только немногимъ словамъ «для соединенія предложеній (союзамъ) и эти немногія выступаютъ какъ-то робко. Это происходитъ отъ того, что послѣположенія вяжутся не только къ именамъ въ собственномъ «смыслѣ, но и къ тѣмъ двусмысленнымъ формамъ, которыхъ

71) На него указывалъ уже Абель-Ремюза въ своихъ *Recherches sur les langues tartares*, стр. 279.

«значение колеблется между глаголомъ и именемъ: соединеніемъ ихъ съ такими формами образуется неуклюжій суррогатъ предложенія, которое должно бы было соединиться съ другимъ предложеніемъ посредствомъ союза. Причина этого преобладанія послѣположеній заключается въ томъ, что въ этихъ языкахъ такъ называемое неопредѣленное наклоненіе понимается болѣе въ смыслѣ имени, чѣмъ глагола, и, дѣйствительно, весь ма немного имѣетъ глагольнаго значенія.»

Въ индо-германскихъ языкахъ союзы, говоря относительно, позднѣйшаго происхожденія и въ санскритскомъ ихъ почти вовсе нѣтъ. Разнаго рода глагольные имена въ языкахъ уральско-алтайскихъ не больше и не меньше двусмысленны, чѣмъ причастія и имена дѣйствія въ индо-германскихъ: послѣднія въ санскрит. и латинскомъ, подобно причастіямъ, иногда имѣютъ при себѣ объектъ въ вин. пад. Примѣровъ построенія рѣчи, подобнаго приводимому у г. Шотта изъ тюркскаго и финскаго, довольно можетъ представить и санскритскій, какъ на примѣръ: *देवताद्वन्द्वे चेति प्राप्तस्योभयपदप्रकृतिस्वरत्वस्य नोत्तरपदे ऽनुदात्तादाविति निषेधात्समासात्तोदात्तत्वमेव शिष्यते* или *फलान्याहुरिष्यामीति गतवान्*. Неопредѣленное наклоненіе въ индо-германскихъ языкахъ повсюду есть окаменѣлый падежъ имени дѣйствія: это было, по видимому, неизвѣстно г. Шотту.

Стр. 36: «Въ заключеніе скажу два-три слова о законѣ согласованія гласныхъ: въ большей части финско-татарскихъ языковъ гласною кореннаго слога опредѣляются гласныя слѣдующихъ словъ.»

Особенная система звуковъ въ уральско-алтайскихъ языкахъ, — разумѣя не только гармонію гласныхъ, но и вышеупомянутое ихъ богатство, бывшее, при относительной бѣдности согласныхъ, совершенно необходимымъ для первоначальнаго обозначенія понятій, — составляетъ, можно сказать, единственный вѣрный признакъ, который даетъ намъ право называть всѣ языки разсматриваемаго круга однимъ общимъ именемъ и производить ихъ изъ одного источника. Между тѣмъ г. Шоттъ упомянулъ объ этой особенноти только мимоходомъ, потому что не вникнулъ въ истинное ея значеніе. Это показываетъ у

него и заключение, на стр. 37, гдѣ онъ, упомянувъ о двоякомъ выговорѣ османскаго нарѣчія, о такъ называемомъ образованномъ выговорѣ, въ которомъ не такъ строго наблюдается гармонія гласныхъ, и о народномъ, задаетъ слѣдующій вопросъ: «Народный выговоръ, въ которомъ строгое выполнение закона согласованія не менѣе удивительно, чѣмъ въ мадыарскомъ, не должно ли быть природнымъ и первобытнымъ?»⁷²⁾ Почему же здѣсь выставляется только мадыарскій языкъ? А въ языкѣ Суми и въ монгольскомъ развѣ менѣе удивительно выдерживается гармонія гласныхъ?

При отдаленности, въ какой мы находимъ другъ къ другу языки уральско-алтайскіе⁷³⁾ (въ которыхъ даже числительныя несходны между собою), прежде всего нужно, по моему мнѣнію, тщательно и со всѣхъ сторонъ изслѣдовать каждый членъ

72) Въ примѣчаніи г. Шоттъ говоритъ: «это народное произношеніе османскаго нарѣчія до сихъ поръ не вложено ни въ одной грамматикѣ. Правила его «должно извлекать изъ устъ Турковъ и изъ книгъ, писанныхъ армянскими буквами.» Заглянувъ въ грамматику Вигье, изданную въ 1790 году, г. Шоттъ узналъ бы, что народное османское произношеніе можно извлекать и изъ другихъ книгъ. Въ ней, на стр. 47 и слѣд., онъ нашелъ бы и самый законъ этого произношенія, — законъ, открытый, по словамъ г. Дюбё (Journal Asiatique, 1850, окт. стр. 284. 292), будто-бы только въ 1845 году г. Рёригомъ! Въ грамматикахъ финскаго и монгольскаго языковъ законъ гармоніи гласныхъ всегда стоялъ на виду, и если въ монгольскихъ грамматикахъ онъ не былъ возведенъ къ истинному значенію, то восполнить этотъ недостатокъ не удалось и г. Рёригу въ его *Éclaircissements sur quelques particularités des langues tatares et finnoises*. Развѣ не принять ли за истинное опредѣленіе гармоніи гласныхъ напр. слѣдующее положеніе: «c'est à cause de l'influence des deux *h* que les voyelles se divisent en trois classes» (стр. 6), или: «la première syllabe de *ölmeç* se prononce *öl* et non *ol*, celle de *dürmeç* avec le son *dür* et non *dour*, etc., à cause de l'influence qu'exerce, dans ces exemples, la dernière syllabe sur celle qui précède» (стр. 15). Такого вадору, хотя онъ и не весь относится къ гармоніи гласныхъ, упоминала книжка содержать на своихъ 26 страницахъ порядочное количество. Отрадно видѣть по крайней мѣрѣ то, что намѣреніе г. Рёрига, объявленное имъ на оберткѣ книги, издать французскій переводъ Шоттова «Опыта», до сихъ поръ остается неисполненнымъ.

73) Ср. у Челсгрена, тамъ же, стр. 44: «Отдѣленіе народовъ другъ отъ друга, если только они составляли иѣкогда одно, восходитъ къ недоступной для исторіи древности, въ которой, можетъ быть, только языкознаніе въ состояніи открывать легкіе слѣды образованія племенъ, и когда языкъ распустилъ «только первые листки своихъ почекъ», а грамматика была еще бѣдна формами, потому что умъ былъ также бѣденъ понятіями и опредѣленіями. По этой причинѣ грамматическіе суффиксы въ разныхъ языкахъ получили разное образованіе, такъ какъ каждый народъ развивалъ свой языкъ своимъ особѣннѣмъ путемъ.»

каждой фамилии по одиначкѣ и потомъ, чрезъ сравненіе всѣхъ членовъ, перейти къ опредѣленію первобытныхъ формъ, корней и грамматическихъ окончаній еще не раздѣлившейся фамилии. Но я считаю совершенно превратнымъ путемъ изслѣдованія, когда, подобно г. Шотту въ его позднѣйшемъ сочиненіи, берутся за сравненіе финско-татарскихъ корней, не изслѣдовавъ строго даже одной фамилии этого племени; — когда отдѣльное слово, взятое изъ какого-либо члена одной фамилии, сличаютъ съ словомъ также изъ отдѣльнаго члена другой, не догадываясь, какъ мало можетъ доказывать приобритенное такимъ образомъ сходство словъ, если въ то же время не объясняется, что сравниваемые слова представляютъ первобытныя формы разсматриваемыхъ фамилій, которыми объясняются всѣ другія формы, или по крайней мѣрѣ весьма блиски къ такимъ формамъ; — когда въ словахъ, сходныхъ между собою, различіе нѣкоторыхъ звуковъ не заботятся объяснить опредѣленными законами, дѣйствующими въ цѣлой фамилии, или въ отдѣльномъ членѣ, но во всякой фамилии и въ каждомъ членѣ считаютъ легко возможнымъ и совершенно естественнымъ всякое видоизмѣненіе звука, въ какомъ бы языкѣ оно ни встрѣчалось; — когда не находятъ ни малѣйшаго затрудненія выводить изъ сравниваемыхъ словъ корни, не отдавъ себѣ отчета въ окончаніи, и корни эти сравниваютъ не только въ области уральско-алтайскихъ языковъ, но даже съ китайскимъ, тибетскимъ и индо-германскими ⁷⁴⁾, и объявляютъ себя принужденными заключать объ общемъ ихъ происхожденіи ⁷⁵⁾; — когда, наконецъ, берутъ для сравненія языки,

74) Пускаясь въ область индо-германскихъ языковъ, г-нь Шоттъ всегда имѣетъ несчастіе обнаруживать свою слабую сторону. Вотъ нѣсколько прилѣповъ: русск. *полкъ*, тождественное съ цѣмек. *Volk*, по его мнѣнію, есть *بولك* *отрядъ, рота* (стр. 142); санскр. *अक्षि* *глазъ* производитъ онъ отъ *इक्ष्* *видѣть* (стр. 73) и кое-что навязываетъ при этомъ Шотту; персид. *مرذن*, гдѣ *ذن* есть окончаніе неопред. накл., сравниваетъ съ *morzen*, гдѣ *d* принадлежитъ къ темъ глагола (стр. 60; ср. также *Versuch*, стр. 38); санскр. *कृ* *дымать* производитъ отъ *कार* *рука* (стр. 64); *देव* *блестящій, богъ* отъ *दिव्* или (sic!) отъ *दिव* *блестать* и *небо* (стр. 126). При такомъ ученическомъ знаніи индо-германскихъ языковъ, благоразумно было бы воздержаться отъ всякаго, сколько-нибудь смѣлаго сравненія.

75) Какъ далеко зашелъ въ этомъ отношеніи г. Шоттъ, читатель можетъ судить по одному мѣсту его статьи въ Эрмановомъ «Архивѣ», т. IX, кн. 4

известные изъ скудныхъ и неудовлетворительныхъ реестровъ словъ. Согласенъ, что нѣкоторыя изъ такихъ сравненій современемъ дѣйствительно будутъ оправданы, но въ настоящее время большая часть ихъ едва держится на своемъ шаткомъ основаніи. Если г. Шоттъ, въ своемъ сочиненіи: *Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht*, сближеніемъ массы словъ и корней, кажущихся родственными, хотѣлъ доказать только то, что уральско-алтайскіе языки гораздо ближе родственны между собою, чѣмъ съ другими, то, надобно сознаться, онъ достигъ своей цѣли. Но пока отдѣльныя фамиліи не изслѣдованы точнѣе и не составлена ихъ сравнительная грамматика, до тѣхъ поръ надобно поставить въ обязанность не допускать появленія подобныхъ сочиненій, которыя, при обширности своего размѣра, столько же бѣдны положительными результатами, сколько, по методѣ, неспособны въ настоящее время достигать истинно-ученаго достоинства.

Что прибавило къ существующимъ понятіямъ о родственныхъ отношеніяхъ между уральско-алтайскими языками увѣнчанное въ Парижѣ рукописное сочиненіе г. Рёрига (Roerig): *Researches in philosophical and comparative philology, chiefly with reference to the languages of central Asia*, пока нельзя еще опредѣлить, потому что оно не издано. Но я удивленъ былъ въ высшей степени, когда въ извѣстіи, напечатанномъ о немъ въ *Journal Asiatique*⁷⁶⁾ г-омъ Дюбё (Dubeux), нашелъ только известныя вещи, о которыхъ г. Дюбё говоритъ впрочемъ съ важностію, очевидно, потому что для него онѣ были новы. Классифи-

(1851). Дѣло идетъ о татарскомъ аффиксѣ *luk*, соответствующемъ османскому *lu*. Объ этой частицѣ (я сказалъ бы: аффиксѣ или суффиксѣ) г-нъ Шоттъ, на стр. 557, говоритъ: «Она означаетъ владѣтеля и, безъ сомнѣнія, тождественна съ неотдѣлимой нѣмецкою частицею *lich, lik*» (которая также значитъ, стало быть, владѣтел), «переходящею въ англійскомъ и даже въ верхне-нѣмецкомъ въ *ly, li*, напр. англ. *friendly*, аллеман. *fründli* = *freundlich*.» Привыкнувъ видѣть подобныя вещи у г. Шотта, можно снисходительно смотрѣть на его сравненія нѣмецкихъ словъ съ турецкими: но позволительно ли ученому, желающему быть авторитетомъ въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ, такъ мало знать о своемъ отечественномъ языкѣ, чтобы объяснять такимъ образомъ происхожденіе прилагательныхъ на *lich*? Простительно ли выпускать въ свѣтъ подобныя нецѣлности, вовсе не считая нужнымъ напередъ справиться съ такою общедоступною книгою, какъ Гриммова Грамматика.

76) 1850, октябрь, стр. 283 — 309.

кація языковъ и нарѣчій тюркской фамилии въ сочиненіи г. Рёрига столько же произвольна, какъ въ прежнихъ сочиненіяхъ⁷⁷⁾, и вообще преждевременна, потому что о многихъ языкахъ этой фамилии мы имѣемъ самыя поверхностныя познанія — изъ скудныхъ реестровъ словъ, на вѣрность которыхъ вовсе нельзя положиться.

Возвращаюсь къ Якутамъ и къ ихъ языку. Число якутскаго народонаселенія въ новѣйшее время полагають до 100,000 душъ мужескаго пола; въ 1795 г. считали только 50,066⁷⁸⁾. Русскіе узнали Якутовъ только въ 1620 году; надобно ли признать въ Рашид-Эддиновыхъ⁷⁹⁾ ساقیات или سقاییت нашихъ Саха съ монгольскимъ окончаніемъ множественн. числа, какъ полагаетъ ученый Буряты Дорджи-Банзаровъ, мы не будемъ рѣшать. Тотъ же ученый, основываясь на соответствіи якутскаго с тюркскому *ی* или *ع* въ началѣ словъ, сдѣлалъ остроумную догадку, что имя *Якутъ*, составляя монгольскую форму мн. ч. отъ *Яка*, можетъ быть тождественно съ именемъ *Саха*, какъ называютъ себя Якуты. Въ пользу этого сближенія можно прибавить, что Тун-

77) Какъ напр. въ книжкѣ: Recherches sur les dialectes musulmans (sic!) par E. Berezine. Première partie. *Système des dialectes turks*. Casan, 1848. Характеристическіе признаки разныхъ нарѣчій въ этой книжкѣ такъ бесцѣпны, что изъ нихъ нельзя выводить рѣшительно никакого заключенія. Мы никакъ не достигнемъ основательнаго знанія тюркскихъ языковъ до тѣхъ поръ, пока не выйдемъ, какъ лажно, особенно при сравненіи нарѣчій, тщательное изслѣдованіе фонетической стороны языка въ каждомъ отдѣльномъ звукѣ, и пока не сознаемся, что хотя употребленіе арабскихъ буквъ, безъ точнаго переложенія ихъ, очень удобно, потому что не требуетъ добросовѣстнаго отчета о звукахъ, зато, съ другой стороны, оно отнимаетъ всякую возможность глубже взглянуть въ фонетическія свойства языка. Въ тюркскихъ грамматикахъ для лингвистовъ непремѣнно надобно употреблять русскій или латинскій алфавитъ, приспособленный къ особенностямъ разсматриваемыхъ языковъ. За образецъ такого переложенія можно принять Вигье, надъ которымъ смѣются потому только, что не понимаютъ ни его, ни системы тюркскихъ звуковъ. Грамматику книжнаго языка можно будетъ составить по существующимъ памятникамъ и черезъ нѣсколько столѣтій: потеря грамматики Вигье во многихъ отношеніяхъ была бы невообразима.

78) Кёппенъ, въ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI-me série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. VI, стр. 217.

79) Erdmann, Vollständige Uebersicht der ältesten Türkischen, Tatarischen und Mogholischen Völkerstämme nach Raschid-ud-din's Vorgänge bearbeitet въ *Языкахъ Запискахъ И. Казанскаго Университета*, книжка IV, стр. 11, 129, 132.

гусы называютъ Якутовъ *Юко*⁸⁰). Производить Якутовъ отъ наибольшаго племени Качинцевъ, называющаго себя также *Саха*⁸¹), по моему мнѣнію, болѣе чѣмъ сомнительно. Зауеръ, описавшій путешествіе Биллингса, полагаетъ, что *Якутъ* есть имя основателя города Якутска, или открывшаго якутскій народъ, потому что между казаками Иркутской губерніи довольно часто встрѣчается фамилія *Якутовъ*⁸²). Есть преданіе, что Якуты долго жили въ близкихъ связяхъ съ Бурятами: это вполне подтверждается какъ якутскимъ языкомъ, содержащимъ въ себѣ множество монгольскихъ словъ и, по видимому, заимствовавшимъ изъ монгольскаго даже нѣкоторые грамматическія окончанія, такъ и физиономію Якутовъ. О переселеніи Якутовъ въ Сибирь, о ихъ распространеніи по этой странѣ, о нравахъ и обычаяхъ, намѣренъ подробно говорить самъ Миддендорфъ въ 4-мъ томѣ своего *Путешествія по Сибири*, основываясь преимущественно на собственныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, при чемъ будутъ также приняты въ соображеніе *Воспоминанія* Уваровскаго и источники, изъ которыхъ одни мнѣ недоступны, а другихъ я не могъ бы надлежащимъ образомъ оцѣнить и употребить въ дѣло. Указывая читателю на «Путешествіе» Миддендорфа, ограничиваюсь съ своей стороны обзорѣніемъ того, что сдѣлано для познанія якутскаго языка и на чемъ основывается настоящее мое сочиненіе.

1. Nicolaes Witsen *Noord en Oost Tartarye* и т. д. (Amsterdam, M:DCCV.⁸³) на стр. 677, кромѣ числительныхъ, содержитъ въ себѣ реестръ 35 якутскихъ словъ, съ переводомъ ихъ значенія на голландскій языкъ. Кромѣ того, напечатано *Отче нашъ* на якутскомъ. Ни одно слово не искажено до такой степени, чтобы нельзя было узнать подлиннаго якутскаго слова. Сообщаю *Отче нашъ* въ правописаніи Витсена и съ переложеніемъ на буквы составленнаго мною якутскаго алфавита.

80) Сѣвернал Писла 1850 г., № 130, стр. 671, въ третьемъ столбцѣ; ср. Ausland, August, 1850, стр. 775.

81) Щукинъ въ Журналъ Мин. Вн. Д. 1847, июнь, стр. 237.

82) An Account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by Commodore Joseph Billings. London, 1802, стр. 111.

83) Въ первомъ изданіи, 1692, помѣщенъ только перечень словъ, а *Отче нашъ* нѣтъ. Перечень словъ занимаетъ 430 страницю.

Aibiit	Bisene,	Mega	Tagara	Oer duger,	kirbejer
Аѣбыт	бісіанä	мäцä	тацара	үрдүгär	кiлбäжär
Отець-нашъ	нашъ	вѣчно	небо	въ его высотѣ	сияеть
Atin,	Jena,	kelega	Atin,	Jena	bologa,
äтың	äjäñä,	käliäçä	äтың	äjäñä,	буолоҗа
имя-твое	твое	придетъ	имя-твое (sic)	твое	будетъ
kognün,	Jena,	Jeme;	Tagaraga	isierge	aspitün
кoңулуң	äjäñä	ämä	тацараҗа	i(русс.)cipgä	аспытун
воля-твоя	твоя	также	въ небѣ	и на землѣ	пищу-нашу
bisenin	koenatagini	koeloe,	bisaga	ani,	kebes bisaga,
бісіанин	күннätäҗинi	кулу	бісіäхä	аны,	käbis bisäxä
нашу	дневную	дай	намъ	пынѣ	отпусти намъ
jespitün	bisenin	kaitak	bisigi	kebesebit,	
iäspitün	бісіанин,	хайтах	бісігi	käbisäbit	
долгъ-нашъ	нашъ	какъ	мы	отпускаемъ	
jemagh terbitin (sic)	bisenin	kilerima	bisigini,	aiga	
iästäxtärbitün	бісіанин	källärimä	бісігинi	äҗыга,	
должниковъ-нашихъ (sic) нашего (ед.ч.), не введи насъ въ грѣхъ,					
biisa bisigini	abasintan	olisin;	jena	bar	iraghtati (sic)
бисä	бісігинi	абасыттан	өл icin:	äjäñä	бар ырахтаҗы
избавъ	насъ	отъ зла	того для	твое	сущее господство
küstaek	Atin	Воека,	Kirdikoe.		
күстäх	äтың	бука	кiрдiк.		
сильно имя-твое совершенно правда.					

Что Витсень нисколько не понималъ якутскаго, доказываетъ приложенный имъ голландскій переводъ.

2. Philipp Johann von Strahlenberg. *Historie der Reisen in Russland, Siberien und der grossen Tartarey*. Leipzig (годъ не показанъ); въ концѣ посвященія: «Августа 1730.» На таблицѣ съ надписью: *Gentium boreo-orientalium vulgo Tatarorum harmonia linguarum*, содержитъ, кромѣ числительныхъ, 37 якутскихъ словъ, сравненныхъ съ сибирско-татарскими и чувашскими. Въ самой книгѣ кое-гдѣ упоминаются якутскія божества.

3. *Сравнительные словари восточныхъ языковъ и наречій*, собранныя Десницею Всевысочайшей Особы. 2 тома въ 4. С.Пб.

1787 (sic) и 1789; другое заглавіе: *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa; Augustissimae cura collecta. Petropoli MDCCLXXXVI (sic) и MDCCLXXXIX.* Кромѣ числительныхъ, словарь содержитъ всего 273 слова на 200 языкахъ. Не изо всѣхъ языковъ приведено каждое слово, между тѣмъ изъ якутскаго приведены почти всѣ. Въ самомъ словарѣ якутскій языкъ поставленъ подъ № 106, въ перечнѣ числительныхъ подъ № 111. Источникъ, откуда заимствованы якутскія слова, не показанъ, но во всякомъ случаѣ его надобно назвать хорошимъ.

4. *An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by Commodore Joseph Billings. The whole narrated from the original papers, by Martin Sauer, Secretary to the expedition. London, 1802. Appendix № 1, стр. 1—8, содержитъ составленный по плану Палласа перечень 280 словъ съ лишкомъ, которыя, какъ замѣчено въ App. № 2, стр. 14, весьма тщательно и точно записаны на мѣстѣ самимъ Сауеромъ. Не смотря на нѣкоторыя ошибки, собраніе заслуживаетъ похвалы. Приставочныя притяжательныя не поняты и выдаются за принадлежность самыхъ именъ. Но двугласныя и долгія нерѣдко отличаются отъ простыхъ краткихъ гласныхъ: oal = уол, ooas = уос, tuess = түүс, keesa = кѣса, ee-ut = үт, aatta = ата, oom = үм, issiem = исиам, illiem = ылыам, timnee = тымнѣ, kersie = көрсүө, oogachan = ыарахан, soan = суон, argooi = оргүй, keoch = күөх, tyil = тыал, oat = уот, ke-esse = кѣсэ, koel = күөл, boag = буор, tya = тыа, aas = ас, eussae = үсэ. Иногда дѣлается также различіе между г и ъ: doghog = догор, beghassae = бэҕэсэ. X глава сочиненія вся посвящена Якутамъ: здѣсь сообщено много интереснаго о ихъ повѣрьяхъ, нравахъ и обычаяхъ, и между прочимъ упоминаются имена боговъ и героевъ.*

5. *Путешествіе Капитана Биллингса чрезъ Чужотскую землю отъ Берингова пролива до Нижнеколымскаго острога, и плаваніе Капитана Галла на суднѣ Черномъ Орль по Сѣверовостоному Океану въ 1791 году; извлечено изъ разныхъ журналовъ Гавриломъ Сарычевымъ. С.Пб. 1811. Страницы 93—102 содержатъ перечень якутскихъ словъ, одинаковый съ предыдущимъ*

по объему и по манерѣ. Сочинителемъ его названъ Робекъ, врачъ Биллингсовой экспедиціи. Якутскія слова писаны русскими буквами и иногда правильнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ. Не смотря на нѣкоторыя разницы, связь между обоими перечнями очевидна.

6. *Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde* и т. д. I-я часть (1806) содержитъ на страницѣ 494 только *Отче нашъ* Витсена и 11 словъ изъ Биллингсова путешествія; IV часть (1817) сообщаетъ на 185 стр. *Отче нашъ* геодезиста Кожевина⁸⁴). Издатель «Митридата», Фатеръ, замѣчая различіе между этими двумя редакціями *Отче нашъ*, оказываетъ предпочтеніе редакціи Кожевина, потому что онъ записалъ свой переводъ въ самомъ якутскомъ краѣ, и притомъ всѣ труды Кожевина отзываются величайшею тщательностью и точностью. Можетъ быть впрочемъ, говоритъ Фатеръ въ заключеніе, что эти двѣ редакціи принадлежатъ двумъ разнымъ нарѣчіямъ якутскаго языка. Неисправности редакціи Кожевина принадлежатъ отчасти переводчику, очень плохо знавшему по-якутски, отчасти же произошли при переложеніи съ русскихъ буквъ на латинскія. Такъ напр. постоянное смѣшеніе существительнаго мѣстоименія съ притяжательнымъ, очевидно, падаетъ на переводчика; но въ словѣ *ugiugur*, какъ видно изъ слѣдующаго затѣмъ *urdüger*, второе и поставлено вмѣсто русскаго *д* по причинѣ сходства одного изъ начертаній *д* съ *у* въ русской скорописи.

7. *Størverdyet Arxivet*, Журналъ исторіи, статистики и путешествій, издаваемый О. Булгаринымъ. С.Пб. Въ III-й части (1822) напечатана статья (стр. 204—221, 273—300, 367—380), подъ заглавіемъ: *Описаніе Якутсково, ихъ происхожденіе, населеніе страны Ленской, внутреннее ихъ управленіе, покореніе подъ власть Россіи, благосостояніе, нравы и обычаи*. Кое-гдѣ якутское слово — имя лица или божества.

8. *Kratkij Katicizisizis*, напечатанный вторымъ изданіемъ въ Иркутскѣ въ 1821 году. 32 страницы, раздѣленныя на 2

84) Вадиль по Сибири въ 1807 и 1809 году по обязанности землемѣра и, по просьбѣ Аделунга, собралъ образцы многихъ языковъ, изъ которыхъ особенно богаты были образцы якутскаго и тунускаго. См. Adeling, Catherinens der Grossen Verdienste um vergleichende Sprachenkunde, стр. 204.

столбца; на лѣвой сторонѣ русскій оригиналь, на правой якутскій переводъ. Заглавный листъ, объясненіе буквъ и первый листъ текста весьма истерты. Этою книжкою, которой другаго экземпляра не найти въ С. Петербургѣ, я обязанъ моему ученому другу Миддендорфу, который вывезъ ее изъ Сибири. Переводъ, не довольно исправный самъ по себѣ, еще больше искаженъ множествомъ опечатокъ. Число буквъ недостаточно и употребленіе ихъ непостоянно. Для примѣра сообщая *Отче нашъ*, съ переложеніемъ на мое правописаніе и съ буквальнымъ переводомъ.

Агабытъ бисеня, ѣнѣ баргынъ халланъ юрьдюгарь,
 Аҕабыт бисіәнә, ән бәргын халлән үрдүгәр;
 Отець-нашъ нашъ, ты еси небо на высотѣ его;
 ытыктанаръ атыгъ⁸⁵) сени⁸⁶), кялѣгя ѣнѣ (sic) кянискилляхъ
 ытыктанар атың аҗіәнә, кәлйәгә ән кәскилләх
 да читается имя-твое твое, да приидеть ты общано
 дойдугъ, кююлюгъ боллунъ ѣнѣ халланъ даганы
 дойдуч, көңүлүң буоллун аҗіәнә халлән даҕаны
 царство-твое, воля-твоя да будетъ твоя, небо также
 юрьдюгарь сирь даганы юрьдюгарь. Бююлюю кююгя
 үрдүгәр сир даҕаны үрдүгәр. Бүгүңү күңҕә
 на высотѣ-его земля какъ на высотѣ-ей. Нынѣшній въ день
 асырь аспытынъ бисѣхя кулу; бисиги кусагаммытынъ халларъ,
 асыр аспытын бисіәхә кулу; бисігі кусаҕаммытым хәллар,
 ѣденіе пишу-нашу намъ дай; мы худое-наше прости
 хайтахъ бисиги атыннаръ кусаганы огорбутгарынъ халларабытъ:
 хайтах бисігі атыннар кусаҕаны оҕорбутгарын хәлларабыт;
 какъ мы другіе худое сдѣланное ихъ прощаемъ;
 киллярима бисигини кусаганъ майгыга быса бисигини
 килләримә бисігини кусаҕан майгыга; бысә бисігини
 не введи насъ злое въ положеніе избавляй насъ
 бары айттанъ кусагантанъ.
 бары аҕйттан кусаҕантан.
 всякаго отъ грѣха отъ худаго.

85) Объ этомъ смѣшеніи гортанной носовой я буду говорить ниже.

86) Опечатка вм. сени.

9. *Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane* и т. д. ausgeführt von Adolph Erman. 1-е отд. 2-го тома. Берлинъ, 1838. О перечнѣ словъ, помѣщенномъ на стр. 281—294, г. Эрманъ на стр. 280 говоритъ: «касательно языка Якутовъ «я собралъ нижеслѣдующіе образчики, изъ числа которыхъ 40 «словъ *диктованы* мнѣ Якутомъ въ Дельгейскѣ, 250 — город-«скимъ Якутомъ и 215 — Якутомъ на перевозѣ въ Алданѣ.» Сложивши эти три числа, получаемъ 505: по моему же счету, до 505 недостаетъ здѣсь безъ малаго 70 словъ. Я уже сказалъ при одномъ случаѣ, что отзывая г. Эрмана о диктованіи ему якутскихъ словъ Якутами не должно принимать въ букввальномъ смыслѣ, и что многія слова онъ списалъ съ русской рукописи, но списалъ ошибочно, не понимая значенія русскихъ буквъ, въ какомъ онѣ употреблены для выраженія якутскихъ звуковъ. Доказать это я обѣщался въ настоящемъ сочиненіи. Теперь, чтобы не остаться клеветникомъ, я, при всемъ расположеніи къ миролюбію въ настоящую минуту, рѣшаюсь исполнить свое обѣщаніе. У Русскихъ нѣтъ звука *ü* (*y*): обыкновенно они передаютъ его своимъ *ю*, которое въ началѣ словъ и слоговъ значить *ju*, а послѣ согласной — *u*, съ смягченіемъ предыдущей согласной, но въ нѣмецкомъ и здѣсь передается сочетаніемъ *ju*. У г. Эрмана якутское *y* (*ü*) весьма перѣдко выражается тѣмъ же *ju*, а иногда и *jü*: онъ пишетъ *jüt* вмѣсто *üt*, *jusso* вм. *üsüö*, *jüret* вм. *ürüt*, *jütschugei* вм. *ütschügäi*, *jürdük* вм. *ürdük*, *jurach* вм. *üräch*, *jurjug* вм. *ürüng*, *jus* вм. *üs*, *kjulebin* вм. *kü* —, вм. *korjubin* вм. *körübün*, *oidjubjun* вм. *öidübün*, *sjurdja* вм. *sürdä*, *tjüppek* вм. *tünnük*, *orjus* вм. *örüs*, *kjun* вм. *kün*, *tjun* вм. *tün*, *kjusjun* вм. *küsün*, *bjugjun* вм. *bügün*, *tjuserebin* вм. *tü* —, *ogolljubjut* вм. *öghül-lübüt*, *sjurbä* вм. *sürbä*, *sjus* вм. *süs*. Звукъ *ä* послѣ согласной Русскіе выражаютъ буквою *л*, которая въ началѣ слова = *ja*, послѣ согласной = *a* или *ä* съ смягченіемъ предыдущей согласной. У г. Эрмана мы находимъ *ja* вм. якут. *ä* въ слѣдующихъ словахъ: *isjabin* вм. *isä* —, *isjar* вм. *isär*, *sjurdja* вм. *sürdä*, *ertja* вм. *ärttä*, *kinenjä* вм. *kiniänä*, *ketjach* вм. *kätäch*, *erdjaga* вм. *är-däghäs*, *istjach* вм. *istäch*, *bergesja* вм. *bärgäsä*, *tjaljak* вм. *tälläch*, *tilinnja* вм. *tilinnä*, *kjem kelljä* вм. *käm kallä*, *bjagalju* вм. *bäghäsä*, *itjagübin* вм. *itäghäjäbin*, *biljabin* вм. *biläbin*. Однажды *ja* вм. *ä*

встрѣчается даже въ началѣ слова, именно: въ jän вм. äp ты. Всмотривалсь въ приведенныя слова ближе, вы замѣтите, что иногда въ одномъ и томъ же словѣ употребляются двѣ системы правописаиія. Это могло произойти или отъ непослѣдовательности русскаго писца, или отъ участія г. Эрмана въ записываніи словъ. Звукъ ö Русскіе изображаютъ буквою е, которая въ началѣ слога, когда на ней удареніе, выговаривается за ю, а послѣ согласныхъ — за о съ смягченіемъ предыдущей согласной. Отсюда объясняются у г-на Эрмана слѣдующія формы: jobüs вм. övüs, jolljorobjün вм. ölöböün, jolljorbjut вм. ölörbüt, jolju вм. ölü, joljobjun вм. ölöbün, jolljom вм. ölüöm. Носовой пг (п) Русскіе не знаютъ и даже не могутъ выговаривать. Уже у Витсена, получившаго якутскій переводъ *Отче нашъ*, можетъ быть, въ русскомъ спискѣ, вм. пг употребляется г: въ катихизисѣ г вм. ц ставится безъ исключенія, а вмѣсто цц — гг⁸⁷). Точно также и г. Эрманъ пишетъ: suigach вм. suingach (ui у него=ы), segija вм. sängijä, tig вм. tīng, chatuig вм. chatuing, iguir вм. iunguir (въ русскомъ языкѣ буква ы нетерпима въ началѣ словъ, почему Русскіе и въ иностранныхъ словахъ вмѣсто ы часто пишутъ и [i]), tignuk вм. tūgnuk, ogotscho вм. ongotscho, jutjüg вм. ügüng. Вмѣсто tūngcha мнѣ случилось встрѣтить у Русскихъ: *муха*, съ опущеніемъ носовой: г. Эрманъ пишетъ также туча. Сочетаніемъ *дэс* Русскіе выражаютъ ц, или итальянское g предъ i. Двѣ послѣднія линіи буквы *жс* легко могутъ быть приняты за к, или за н, а если послѣдняя черта (почеркъ) буквы *жс*, по небрежности, проведена слишкомъ далеко, то и за ю; въ случаѣ такого недоразумѣнія вразсужденіи буквы *жс*, первая ея линія должна показаться буквою э (е), или, если оконечности полукруга блиски одна къ другой, буквою о. Посредствомъ такого ошибочнаго чтенія буквы *жс* произошли у г-на Эрмана слѣдующія формы: kuirdenagas (кырджагасъ) вм. kuirdshaghas, chorgoldokun⁸⁸) (хоргольджунъ) вм. chorgholdshun, chodekut⁸⁹) (ходжуть) вм. chodshut, chodejutabuit (ходжутабытъ)

87) Ср. также Vocabularia comparativa, № 26, 34, 37, 44, 53, 55, 66.

88) На стр. 291, а на стр. 297 chorgoldogun — съ смягченіемъ к: скоро же оно явилось!

89) Это слово г. Шоттъ внесъ въ словарь Давыдова (см. ниже), не сказавъ, что оно принадлежит г. Эрману.

вм. chodshutabuit, гдѣ у выпущено, вѣроятно, какъ лишнее. Форма kjujer вм. kügän объясняется тѣмъ, что въ русской скорописи *n* очень похожъ на *n*. Русск. *c* (*s*), бывъ написанъ связано съ предыдущею буквою, получаетъ видъ буквы *л*: такъ объясняю я себѣ у г. Эрмана bjalaju вм. bāghäsä; въ катихизисѣ, наоборотъ, я встрѣтилъ кясѣга вм. кялѣга. Впрочемъ г. Эрманъ, безъ всякаго сомнѣнія, и самъ записалъ нѣсколько словъ, и притомъ не русскими буквами: это, какъ нельзя яснѣе, видно изъ его собранія словъ. Но какъ велико число такихъ словъ, нельзя опредѣлять; потому что многіе якутскіе звуки и при переходѣ чрезъ русское письмо не подвергаются искаженію.

Г. Эрманъ знаетъ по-якутски немного больше ничего: это видно изъ нѣвѣрнаго правописанія вышеприведенныхъ словъ и изъ слѣдующихъ ошибокъ:

Значеніе словъ у г. Эрмана.	Его право- писаніе.	Дѣйствительное зна- ченіе.	Вѣрное право- писаніе.
Стр. 281:			
бѣжать	sjurdja	пробѣжалъ	sürdä
бѣги	barda, bar	ушелъ, уйдн	
онъ летитъ	kottii	взлетѣлъ	köttö
грестъ (весломъ)	ertja	гребъ	ärttä
Стр. 282:			
шея	moino	его шея	
нось	munnu, murun	его носъ, носъ	munna, murun
Стр. 285:			
корень	türdü	его корень ⁹⁰⁾	tördö
Стр. 286:			
пей!	isä		is ⁹¹⁾
сытъ	tottum	я насытился	
голодепъ	astuim	я проголодался	astuim
Стр. 288:			
жепось (паст.)	jachtarlom	я возьму жену (я же- пось буд. вр.)	jachtar uiluiam
раждать	tjürüttä	она родила	töröttö
оживать	tillinnja	онъ ожилъ	tilinnä

90) Корень по-якутски törüt.

91) Isä есть герундія.

Стр. 290:			
поздо	chodejutabuit	опоздавший	chodshutabuit
Стр. 291:			
убитый	jolljorbjut	убивший	ölörbüt
война	serilesseler	воюютъ между со- бою	säriläsällär
Стр. 292:			
судить ⁹²⁾	tojönnä	суди	tojonnö
кусаю	komjolluchä	кусать (грысть)	kömöllööchchä

Не смотря на незнаніе языка, г. Эрманъ, сравнивая якутскія слова съ татарскими, дозволяетъ себѣ выводить слѣдующее заключеніе (стр. 295): «послѣ этого сравненія нельзя сомнѣваться, что Якутъ, рожденный на берегахъ Лены или Алдана, «безъ затрудненія (sic! sic!) объяснится съ жителемъ Къстантиннополя, и, не смотря на совершенное различіе климатическихъ условій жизни, признаетъ его своимъ блискимъ родственникомъ.» На той же страницѣ говорится еще: «Немного нужно правилъ, чтобъ научить Якута турецкому языку и Турка якутскому. Сюда принадлежитъ напр. то, что въ якутскомъ прилагательныя всегда снабжаются флексивными слогами «(sic!), но не усѣгаются (sic!) и не дѣлаются отъ того неизмѣняемыми по родамъ (sic!) и падежамъ (sic!), какъ у Уйгуровъ «и у европейскихъ Тюрковъ (только у этихъ двухъ народовъ?).» Еслибы г. Эрману пришлось когда-нибудь въ отчаяніи рискнуть всею своею литературною славой, ему едвали удалось бы въ другой разъ такъ коротко и рѣшительно высказать столько притязаній и незнанія дѣла, прикрытыхъ обманчивымъ видомъ истины, съ тайнымъ намѣреніемъ бросить пыль въ глаза публикѣ. Что же касается до его изреченія (тамъ же), что «Якуты «привыкли говорить только губами, съ небольшимъ открытіемъ «усть, тогда какъ тобольскіе Татары въ тѣхъ же случаяхъ «употребляютъ гортанныя и язычныя буквы или произносятъ «гласныя широко раскрытымъ ртомъ», то читатель, конечно, самъ теперь въ состояніи оцѣнить зрѣлость подобнаго взгляда. Но продолженіе этого взгляда у г. Эрмана еще любопытнѣе. На стр. 296 онъ говоритъ: «Лябиализмъ Якутовъ можно сравнить съ лябиализмомъ дѣтей (sic! sic! sic!) у всѣхъ народовъ,

92) Слѣдующія двѣ формы также повелительныя.

«и вслѣдствіе того заключить, что это тюркское племя всѣхъ «долѣе оставалось въ первобытномъ состояніи, отъ того, что «рано отдѣлилось отъ прочихъ племенъ и одиноко заглохло въ «негостеприимныхъ странахъ.» Пуститься въ разсужденія объ этомъ настоящемъ лѣбіализмѣ въ области лингвистики, чуждомъ всякаго перебрализма⁹³⁾, значило бы, по моему мнѣнію, навлечь на себя справедливый упрекъ въ такомъ же лѣбіализмѣ со стороны читателей, вышедшихъ изъ возраста лѣбіализма. На стр. 297-й г. Эрманъ производитъ общее у всѣхъ Тюрковъ и Монголовъ названіе водки отъ якутск. arui (арѣ) *масло*, и доказываетъ этимъ производствомъ, что aruiḡui (арыгы) есть первобытная собственность Якутовъ. На это я могу возразить, что напитокъ, приготовляемый изъ молока, производить отъ масла не совсѣмъ согласно съ логикой; во-вторыхъ, что Якуты вовсе не умѣютъ готовить водки, и наконецъ, въ-третьихъ, что и грамматика не одобряетъ этого производства.— На эту обстоятельную оцѣнку заслугъ г. Эрмана касательно якутскаго языка я вызванъ былъ его собственною замѣткою, напечатанною имъ въ его періодическомъ изданіи: *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*; ср. *Bulletin historico-philologique*, T. VII, стр. 170, примѣч. 8, или *Mélanges asiatiques*, T. I, livr. 2, стр. 205 въ примѣч.

10. Реестръ якутскихъ словъ Дмитрія Давыдова, сообщенный В. Шоттомъ въ *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*, часть III, стр. 312 — 332. Содержитъ около 1200 словъ, писанныхъ русскими буквами. Когда я еще не былъ знакомъ съ Уваровскимъ (см. ниже), редакція помянутаго «Архива», по ходатайству Академіи, благосклонно сообщила мнѣ оригиналъ этого реестра. Въ «Архивѣ» онъ переложенъ на нѣмецкія буквы, и русскія значенія словъ переданы также по-нѣмецки. Сборникъ этотъ, безспорно, заслуживаетъ похвалы: составитель его понялъ якутскую систему звуковъ вообще неравненно вѣрнѣе своихъ предшественниковъ, хотя и онъ не уловилъ звука двугласныхъ уо и үө, троегласныхъ, носоваго j и двойнаго g; гармонія гласныхъ также не вездѣ соблюдена. Съ

⁹³⁾ О перебраливыхъ въ санскритскомъ алфавитѣ г. Эрманъ могъ бы навѣдаться въ грамматикахъ Вонна.

самымъ языкомъ Давыдовъ, кажется, не очень близко знакомъ: такъ напр. аса *его волосъ* онъ принимаетъ за множественное отъ ас *волосъ*, амтанахъ, атыныкъ и тюргеникъ пишетъ съ однимъ *н*, а барыллара; джелляхъ и харыллахъ — съ удвоеннымъ *л* и т. д.

Г. Шоттъ въ иныхъ мѣстахъ исправилъ оригиналъ: такъ напр. онъ возстановилъ удвоение *н* въ приведенныхъ сейчасъ словахъ; но въ другихъ мѣстахъ сдѣланныя имъ перемѣны не заслуживаютъ одобренія, какъ напр. въ *buguidamut* вм. правильного *буруйдамытъ*, *bussy* вм. *бысий*, *sybyut* вм. *эрыпытъ* (т. е. *ыарапытъ*), *кугу* дважды вм. *кырый*, *syty* вм. *сытый*, *sytybyut* вм. *сытыйбытъ*. Отъ *juller* до *jutschugei* вмѣсто *ju* надобно читать *й*.

Г. Шоттъ ошибочно принялъ *ю* за *й*: сочинитель выражаетъ эгимъ знакомъ звукъ *ö* или *üö*; поэтому въ словахъ: *ün*, *ügen*, *üretättschi*, *üg* и *üch* вмѣсто *й* надобно читать *юö*, а въ *ügjes* (въ оригиналѣ *юрюсъ*, т. е. *örüs*) и *ürüja* вм. *й* — *ö*. Впрочемъ въ извиненіе г. Шотта можно привести то обстоятельство, что у Давыдова *ö* и *üö* въ началѣ словъ передаются знакомъ *ё*. Буква *е*, употребленная не въ началѣ словъ, значить у Давыдова двугласную *іа*, *э* — двугласную *ыа*: такъ отличается напр. *бе* (*біа*) *кобыла* отъ *бэ* (*быа*) *веревка*: г. Шоттъ передаетъ эти два слова совершенно одинаково; и двусложное *аи* (т. е. *аји*) не отличено отъ односложнаго *ай*. Въ другомъ мѣстѣ г. Шоттъ не разобралъ нечетко написаннаго якутскаго слова и не довольно обратилъ вниманія на алфавитный порядокъ словъ, по которому можно было угадать правильное чтеніе. Нѣсколько словъ взято изъ Эрманова реестра безъ означенія заимствованія: слова эти навязаны такимъ образомъ Давыдову, именно: *chodekut*, *ogugor*, *sanasà*, *sarga*, *synnescha*. Самыя рѣскія ошибки у г. Шотта въ нѣмецкомъ переводѣ русскихъ значеній якутскихъ словъ: такъ

- изъ *пльйй* (*ала*) у него вышло *пльжнйй* (*zärtlich*),
- *надпйисл*⁹⁴ (*erän*) — *одпйисл* (*sich ankleiden*),
- *подависл* (*char*) — *давн* (*drücken*),
- *дпм* (*juller* т. е. *üllär*) — *дплай* (*machen*),
- *спрлч* (*kiste* т. е. *kistiä*) — *спрлч* отъ *спрлчатъ*,

⁹⁴ Сочинитель словаря показываетъ значеніе глаголовъ во 2-мъ л. повел., г. Шоттъ — въ неопред. накл.

- изъ *плеть* (kymni) — *плети*,
 — *конный табунъ* (ör т. е. üör) — *Pferdehirt, конскій пастухъ*,
 — *крои* (kyry т. е. kyryi) — *крой* (bedecken),
 — *колоти* (ogus) — *коли* (stechen),
 — *шаманъ* (ojunna т. е. ojunnā) — *шаманъ*,
 — *колоти* (sai) — *коли* (stechen),
 — *насытай* (sukkui) — *насыть* (sättigen),
 — *грамотный* (suruktach) — *Studirter, ученый*,
 — *подвигъ* (sillar) — *воздвиги* (erregen),
 — *дровни* (syrga) — *дремли*; прибавлено впрочемъ и правильное значеніе, со ссылкой на Эрмана.
 — *шишка древесная* (torach т. е. tuoräch) — *Knoten am Holze, болота*.
 — *тай отъ таять* (ullar) — *тай отъ таять* (verhehlen),
 — *правый* прот. *львый* (ungo т. е. unguor) — *прямой* (gerade).

Изъ многихъ значеній одного и того же русскаго слова г-нъ

Шоттъ бралъ первое встрѣчное и вообще неудачно: такъ

<i>полка</i> (dolbur)	переведено	halbes Fell	вм.	Wandbrett,
<i>убирай</i> (chomui)	—	schmücken	вм.	wegräumen,
<i>лавка</i> (oron)	—	Bude	вм.	Bank,
<i>закрой</i> (sab)	—	Zuschnitt	вм.	bedecken,
<i>клей</i> (silim)	—	leimen	вм.	Leim,
<i>составъ</i> (süsöch				
т. е. süsüöch)	—	Körperbau	вм.	Gelenk.

Этотъ реестръ ошибокъ еще неполонъ; но изъ него уже видно, какъ опасно полагаться на реестры словъ, переходящіе въ литературу въ переложеніи и въ переводѣ. — За реестромъ Давыдова г. Шоттъ помѣстилъ 8 страницъ своего послѣсловія, гдѣ онъ довольно осторожно разсуждаетъ объ отношеніи якутскаго къ другимъ тюркскимъ языкамъ и къ монгольскому, о фонетическомъ характерѣ якутскаго и немногихъ грамматическихъ окончаніяхъ, встрѣтившихся въ реестрѣ словъ. Само собою разумѣется, что и здѣсь вкрадываются иногда недоразумѣнія, но, принимая въ соображеніе скудость бывшаго подъ рукою матеріала, разсудительный критикъ, конечно, не упрекнетъ ими автора. Впрочемъ мнѣ удивительно было встрѣтить на стр. 334

замѣчаніе, гдѣ говорится, что слово, означающее у Якутовъ *человѣкъ* (кісі), употребляется въ другихъ тюркскихъ языкахъ только (сіс) въ значеніи *кто-либо, никто* (کشر).

11. Статья г. Огородникова подъ заглавіемъ: *Замѣчанія о якутскомъ языкѣ*, въ Отечественныхъ Запискахъ, т. XLVII 1846. Смѣсь, стр. 22 — 27. Г. Огородниковъ призналъ всѣ простыя гласныя, равно и дугласныя ѡа (ѡэ) и уо; іа выражаетъ онъ сочетаніемъ іэ или, какъ обыкновенно у Русскихъ, простымъ е, но вовсе нехстати сравниваетъ этотъ звукъ съ французскимъ е (какимъ?) и потомъ опять смѣшиваетъ его съ э, т. е. ä; такъ, онъ пишетъ: бѣлѣмъ вм. бѣлемъ. *И* употребляется въ значеніи того же ä, но означаетъ еще и слогъ ја и јä. Дугласной үö г. Огородниковъ, кажется, не понималъ: слово үö-рäjä онъ пишетъ эрегя, түйөрт — терть. За то г. Огородниковъ вводитъ дугласную эа, которая, по моему мнѣнію, есть не иное что, какъ протяжное ä. О гармоніи гласныхъ ни слова; да и на дѣлѣ она часто нарушается: бѣгöхъ вм. бѣгëхъ (т. е. бѣгöх), бѣгö вм. бѣгë (бѣгö), кѣгöнь вм. кѣгëнь (кѣгöн), капсетіöкха вм. капсетіэххэ, мостäхъ вм. муостäхъ и т. д. Изъ согласныхъ недостаетъ j, j и n; двойной l не обозначается; вмѣсто хх употребляется кх. Въ игюсь (т. е. үеүе) и бегнись (т. е. бäсіе) буква е, стоящая между гласными, измѣнена въ г; но въ словахъ: иерийсь, юсіö, тусугърь и т. д. этотъ с соблюденъ. О прилагательныхъ сказано, что они согласуются съ существительными въ родѣ, числѣ и падежѣ: это, вѣроятно, воспоминаніе школьныхъ лѣтъ, или, можетъ быть, подражаніе г. Эрману. Г. Огородниковъ находитъ въ якутскомъ четыре падежа: именительный, родительный, дательный и творительный. Потомъ онъ говоритъ, что можно признать еще предложный падежъ, образуемый совершенно особеннымъ образомъ, чрезъ прибавленіе нарѣчія, выражающаго этотъ падежъ. Все это подтверждается слѣдующими примѣрами: *огонүгърь къ мальшику, огонутугърь у мальшики, огонутусугърь надъ мальшикомъ, огонунисгърь въ мальшики, огонюдюгърь на мальшикѣ*. Всего вѣрнѣе эти примѣры доказываютъ, что авторъ весьма мало знакомъ съ якутскимъ языкомъ, потому что изъ приведенныхъ формъ только одна можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, если только вмѣсто юддюгърь будемъ читать

юрдюгэръ на его высотъ; прочія же формы настоящіе монстры. Въ огонугэръ дательный падежъ приставочнаго мѣстоименія (гэръ) прибавленъ къ винительному падежу имени (огону); въ огонутугэръ тотъ же дательный съ предыдущимъ приставочнымъ притяжательнымъ 3-го лица къ винительному же; въ огонутусугэръ и огонупусигэръ дательный имени (тус и ис), снабженнаго приставочнымъ мѣстоименіемъ 3-го лица соединенъ съ винительнымъ другаго имени. Не смотря на уродливость этого апіористическаго образования падежей, можно догадываться, какъ оно возникло въ головѣ автора. Частицы гэръ, тусугэръ и псигэръ онъ считалъ, вѣроятно, послѣположеніями, которыя въ родственныхъ языкахъ могутъ сочиняться съ родительнымъ, и совокупилъ ихъ съ винительнымъ, принимая этотъ падежъ за родительный. Касательно глагола приведено восемь формъ: 1, 2, 3 л. ед. и 1 л. мн. утвердительнаго и отрицательнаго настоящаго; три изъ нихъ невѣрны: вм. асабытъ надобно читать асбѣ-бытъ, вм. асабанышъ — асабанышъ, вм. асабата — асабать. Статья оканчивается пятью якутскими загадками, которыя исправлены мною при помощи Уваровскаго и приложены въ концѣ напечатаннаго мною якутскаго текста (стр. 95, 1 — 5). О якутскомъ словарѣ того же автора сдѣланъ въ 1844 году отзывъ моимъ ученымъ сочленомъ, г. Дорномъ⁹⁵): словарь этотъ остается неизданнымъ, и мнѣ никогда не случалось его видѣть.

12. Небольшой рукописный якутско-русскій перечень словъ, съ подписью якутскаго мѣщанина Александра Дмитріева Невѣрова. Этотъ Невѣровъ, какъ узналъ я отъ Миддендорфа, есть то самое лицо, о которомъ упоминаетъ въ своихъ путевыхъ запискахъ г. Эрманъ (Hist. Ver. II, стр. 251). Изъ этого исправнаго перечня, привезеннаго г. Миддендорфомъ, я много извлекъ полезнаго.

13. Рукописные матеріалы Миддендорфа, состоящіе изъ реестра словъ, изъ иѣсенъ, разговоровъ, сказокъ, изреченій и очерка грамматики, вполне заслуживаютъ нашего удивленія, если примемъ въ соображеніе краткость времени, какое могъ по-

⁹⁵) Ср. Bull. histor.-philol. T. II, стр. 93, извлеченіе изъ протокола засѣданія 7 іюня 1844.

свящать лингвистическимъ изысканіямъ нашъ отважный, ловкій и ученый путешественникъ. Если, по правдѣ, надобно сознаться, что съ одними этими матеріалами я не могъ бы соорудить прочнаго грамматическаго зданія, то съ другой стороны безъ преувеличенія можно сказать, что матеріалы Миддендорфа значительно облегчили мнѣ трудъ изученія языка и не разъ навели на грамматическія формы, которыя безъ того, можетъ быть, ускользнули бы отъ моего вниманія. Къ тому же, рѣшительно можно сказать, что безъ Миддендорфа мои занятія не приняли бы теперешняго направленія и не явилось бы настоящаго сочиненія. Если же я въ издаваемый мною якутскій текстъ не внесъ ни одного монолога, ни одной сказки изъ бумагъ Миддендорфа, то это произошло отъ того, что въ его матеріалахъ я часто встрѣчалъ перерывы, а иногда былъ даже не въ состояніи понять отдѣльныхъ словъ. Это вовсе неудивительно, если примемъ въ соображеніе, какъ трудно слѣдить на бумагѣ за быстротою живой рѣчи, или медленно повторять одну и ту же рѣчь тѣми же словами, не запутываясь въ словахъ и не теряя терпѣнія до окончанія дѣла. Съ другой стороны, мое разумѣніе затрудняли здѣсь, вѣроятно, рѣдкія, или даже вовсе вышедшія изъ употребленія, слова, которыя, можетъ быть, и переданы не совсѣмъ вѣрно. Записанную Миддендорфомъ пѣсню съ аллитераціею я сообщаю въ грамматикѣ, въ переложеніи на мое правописаніе; здѣсь же предлагаю нѣсколько краткихъ изрѣченій, чтобы ознакомить читателя съ правописаніемъ Миддендорфа.

1. Міаехā⁹⁶⁾ бār улахāн табā, атчигыи (кучугуу)
 мїїāхā бār улахан табa, аччыгыи (куччугуу)
 мнѣ есть большой олень, мало-

табалār убоим кіненае
 табалар убајым киніāнā (правильнѣе киніāшāрā)
 олени старшій братъ-мой его. Т. е. большой олень принадлежитъ мнѣ, а малые моему старшему брату.

2. Мін сіаетім баегасāе үсј балыгы.
 мін сіятім бāҕāsā үс балыгы.
 я съѣлъ вчера три рыбы.

96) И у Миддендорфа долгота буквъ смѣшивается съ удареніемъ.

3. Мін балтым ышдјѣр.
 мін балтым ыалцар.
 я младшая сестра-моя больна.

4. Мін інім аттарā улахаттар мін
 мін інім аттара улахаттар мін
 я младшій братъ-мой его лошади велики я
 аһам кіненагар или аттаратѣн или аттерын-
 ағам кіінініһбәр ⁹⁷⁾ или аттарыттан или аттарын-
 отецъ-мой предъ его или отъ его лошадей или предъ его
 пағар.
 нағар.
 лошадьми. Т. е. лошади моего младшаго брата больше лошадей
 моего отца.

5. Таңгара біердѣр тугандык ⁹⁸⁾ тахсыаеххā бус-
 таңара біірдәр түргәнник тахсыахха бӯс
 Богъ еслибы даль скоро перейти ледъ
 устун Джи-ўрјаеһѳ, тідербўт сјеттāе хоннукка Да-
 устун Ци ўрәҗи тидәрбїт сәттā хонукка Да-
 вдоль Джи рьки еслибы мы прибыли семь въ дни въ
 вукьїтка миаехā учјугої булбатае, Романгā орлук
 быкыкка, мїҗіахā учүгāї буолуоҗа әтā, Руомаңца ордук
 Давыкытъ, миҗ прїятно было бы, Роману больше (т. е.
 булбатае
 буолуоҗа әтā
 еще прїятнѣе) было бы.

Изъ представленнаго видно, что Миддендорфъ перѣдко принималъ согласную, соединенную съ мягкою гласною, за смягченную и выражалъ это смягченіе буквою j, тогда какъ миҗ такія согласныя кажутся несмягченными. Мой взглядъ, думаю, вѣрнѣе: Миддендорфа ввелъ въ заблужденіе употребляемый имъ русскій алфавитъ.

14. Перехожу къ самому значительному источнику, къ Уваровскому. Свѣдѣніе объ этомъ лицѣ читатель найдетъ въ его

97) Правильнѣе кіінініһбәр.

98) Форма эта у Миддендорфа есть единственный примѣръ отсутствія уподобленія.

собственныхъ «Воспоминашійхъ», напечатанныхъ мною въ якутскомъ подлинникѣ съ нѣмецкимъ переводомъ. До своего съ нимъ знакомства я уже переработалъ всѣ вышеозначенные матеріалы самымъ тщательнымъ образомъ: составилъ себѣ реестръ изъ всѣхъ словъ, какія только могъ отыскать, ставя на первомъ мѣстѣ чтенія, которыя сами по себѣ или по важности авторитета казались мнѣ правильнѣйшими, и за тѣмъ присовокупляя варианты изъ прочихъ источниковъ. Потомъ, на основаніи Катихизиса и Миддецдорфовыхъ бумагъ, я составилъ себѣ этимогическую часть грамматики. Познакомясь съ Уваровскимъ, я рѣшился прежде всего пройти съ нимъ свой реестръ; но я не предлагалъ ему на разсмотрѣніе прямо якутскія слова, а, сказывая русскія, требовалъ соотвѣтствующихъ имъ якутскихъ. Подлинный выговоръ туземца тотчасъ обнаруживалъ всякую невѣрную форму моихъ письменныхъ источниковъ; когда же тотъ или другой изъ нихъ оказывался сходнымъ съ показаніемъ моего живаго словаря, или разнился только правописаніемъ, иначе передававшимъ тѣ же самые звуки, какъ это обнаруживалось изъ сравненія одного и того же звука въ нѣсколькихъ словахъ или изъ общихъ фонетическихъ законовъ, тогда, записывая форму, я ставилъ при ней имя источника, но не приводя его особеннаго правописанія⁹⁹⁾. Подвергнувъ весь реестръ такому критическому пересмотру дважды, я достигъ двоякой цѣли: во-первыхъ, съ строжайшею точностью изучилъ якутскую систему звуковъ, и, во-вторыхъ, не только очистилъ матеріалъ словъ, но и увеличилъ его, потому что для объясненія словъ со стороны формы и значенія я заставлялъ прискивать другія слова, имѣющія съ ними связь по формѣ или по значенію. Вслѣдъ за тѣмъ я перешелъ *in medias res*, предложивъ Уваровскому писать на якутскомъ языкѣ о своей жизни и о занятіяхъ Якутовъ. Такъ какъ я, при пособіи Катихизиса и Миддецдорфовыхъ бумагъ, былъ

99) Такъ напр. при словѣ *тыал* я не затруднился сослаться на Катихизисъ и на Давыдова, хотя въ томъ и другомъ источникѣ слово это пишется *тыль*, — не затруднился потому, что въ обоихъ двугласная *ыа* и въ другихъ словахъ постоинно замѣняется буквою *э*. Впрочемъ я не утверждаю, чтобы такимъ образомъ при каждомъ словѣ былъ показанъ его источникъ: при неоднократномъ переносиваніи словаря, имѣ, означенное только начальными буквами, легко могло ускользнуть въ томъ или другомъ случаѣ.

уже нѣсколько знакомъ съ грамматическими окончаніями, то, при помощи учителя, скоро сталъ понимать языкъ его записокъ. Какъ скоро представлялось новое слово, я вносилъ его въ свой словарь; но встрѣчая новыя грамматическія формы, я долженъ былъ ждать иногда цѣлыя недѣли, пока объяснялось ихъ истинное значеніе и надлежащее мѣсто въ грамматикѣ. Пройдя такимъ образомъ вмѣстѣ съ учителемъ его «Воспоминанія» и сказку, сочиненную имъ въ чисто-якутскомъ вкусѣ¹⁰⁰) (которая также напечатана), я повторилъ этотъ пріемъ въ другой разъ, и только теперь рѣшился предложить нѣкоторые перемѣны въ текстѣ, которыхъ требовала, по моему мнѣнію, грамматика. Какъ скоро перемѣна удостоивалась одобренія учителя, я тотчасъ вносилъ ее въ текстъ, который, по мѣрѣ этихъ занятій, я перелагалъ на свое правописаніе. Если же Уваровскій, вопреки моимъ представленіямъ, наставлялъ на какой-либо конструкціи, я никогда не позволялъ себѣ дѣлать перемѣны самовольно. Уваровскій — человѣкъ съ здравымъ умомъ, но безъ ученаго образованія: онъ говоритъ и пишетъ по-якутски также легко, какъ по-русски, но знаетъ языкъ, разумѣется, только по привыку. Я долженъ былъ самъ извлекать каждое правило и обыкновенно старался скрывать ихъ отъ своего учителя, чтобы не подготвить его въ пользу теорій и чтобы онъ не могъ, изъ угожденія мнѣ, оказать ей предпочтенія предъ практикою. Но мой даровитый наставникъ нерѣдко безъ всякаго намека угадывалъ формы, какихъ желалъ ученикъ. Если въ такихъ случаяхъ ожиданія ученика оправдывались, то приобретаемая такимъ образомъ форма признавалась дѣйствительною не раньше, какъ по истеченіи нѣкотораго времени, когда снова подтверждалась учителемъ, уже не подверженнымъ никакому подготовительному вліянію. Якутское изложеніе «Воспоминаній» легко удавалось автору, потому что онъ уже раньше, для одного удовольствія, упражнялся въ якутской словесности; при всемъ томъ, въ слогѣ «Воспоминаній», мнѣ кажется, нельзя не замѣтить постепеннаго улучшенія. Изъ шести загадокъ на 96 стр. якутскаго текста первыя пять были уже сообщены, но не совсѣмъ исправно, г. Огород-

100) Позволю себѣ судить объ этомъ на основаніи сравненія со сказкой, записанною Миддендорфомъ, и съ другою, о которой будетъ упомянуто ниже.

никовымъ (см. выше); шестая принадлежитъ Уваровскому; заканчивающая якутскій текстъ (стр. 96) пѣсня есть якутское подражаніе Уваровскаго финской рунѣ съ аллитераціею ¹⁰¹), извѣстная Нѣмцамъ въ переводѣ Гёте ¹⁰²). Правописанія Уваровскаго я не могу похвалить: уо не отличается у него отъ о, уѳ отъ ѳ (ю), уоі отъ оі, уѳі отъ ѳі; ä въ началѣ словъ выражаетъ у него буква э, послѣ согласной — буква я, означающая въ другихъ случаяхъ слогъ ја или јаä; ю значить ү, но вмѣстѣ представляетъ и ји или јü; и означаетъ гласную і, а также и слоги јі, јы, јы; е — иной разъ іä, въ другой — јä и јъа; долгія гласныя не отмѣчаются; л и l также не отличены; ни j, ни j̇ не имѣютъ для себя знака; конечныя согласныя послѣ твердыхъ гласныхъ принимаютъ т, послѣ мягкихъ — ь. Всего ощутительнѣе отсутствіе j, чѣмъ затемняются многія грамматическія формы; винительный отъ чаі я пишу чајы, совершенно также какъ асы отъ ас, а Уваровскій пишетъ чаи, гдѣ конечная гласная совмѣщаетъ въ себѣ и окончаніе темы и признакъ винительнаго; имя будущаго времени ацајях образуется совершенно правильно отъ ацаі, какъ асыах отъ ас, чего вовсе не видно изъ правописанія Уваровскаго: ацаехъ. Учитель сознаётъ несовершенство своего правописанія, но не можетъ отстать отъ старой привычки. Употребленное въ этомъ сочиненіи правописаніе я считаю себя въ правѣ называть своимъ и дорожу имъ, потому что отъ вѣрнаго обозначенія звуковъ чрезвычайно много зависитъ языкоученіе, какъ я сейчасъ замѣтилъ и замѣчаю при случаѣ въ Грамматикѣ (ср. § 54. 68. 70).

Когда мой трудъ былъ почти оконченъ, г. Банзаровъ доставилъ мнѣ листокъ, приписываемый концу прошлаго столѣтія и содержащій въ себѣ символъ вѣры, а г. Штубендорфъ — присягу и довольно длинную якутскую сказку. Сообщаю изъ всѣхъ трехъ текстовъ по небольшому образчику.

І. Изъ символа вѣры: Ытыктыбынъ махтабынъ (.эгинь.) Тагарáбынъ, олъ кыннагына энъ бáргынъ кырдыкъ Христóсъ хасаң даганы, юльбютөт юляхъ Тагара́ Ола, кыльбитиги́ бүү дойдуга аилахтары бысы (.áбры.), олъ аилахтартаң бастыгна-

101) Такія аллитераціи очень часты и въ сказкѣ, сочиненной Уваровскимъ.

102) G ö t h e ' s W e r k e i n 4 0 B ä n d e n . V . I . s t r . 1 2 3 .

ра мишь барбынъ, эмъ ытыктыбынъ, олъ бѳлагына, бѳ баръ лапъ, бярътъ расъ этигъ эъня, эмъ баръ кырдыкъ сырдыкъ ханыгъ эъня. По нашему правописанію: ытыктыбын махтажабын (äjigin) таңарабын: ол кыннагына аң баргын кірдік Кірістас хасан дағаны öböt üjaläh таңара уола; калбітиң бу дойдута аҗылахтары быси (абрь); ол аҗылахтарган бастыңнара миң барбын. Амйа ытыктыбын: ол буоллағына бу бар лап барт ырас атиң äjiana, ämia бар кірдік сырдык ханың äjiana. Долгя и двугласныя, какъ видите, обозначаются острымъ удареніемъ, удареніе словъ — тяжелымъ на послѣднемъ элементѣ слога; г и ң не различаются; т, какъ у Уваровскаго, ставится на концѣ послѣ согласныхъ съ предшествующею твердою гласною, ь — послѣ согласныхъ съ предшествующею мягкою; въ расъ недостаетъ въ началѣ буквы ы, которая опускается и у Давыдова во всѣхъ словахъ, начинающихся этимъ звукомъ. Вразсужденіи долгихъ гласныхъ я не вездѣ схожусь съ этимъ правописаніемъ; хотя въ представляющихся здѣсь случаяхъ правда, миѣ кажется, на моей сторонѣ, за всѣмъ тѣмъ надобно откровенно сознаться, что долгую гласную не скоро замѣтишь на концѣ словъ и что ее легко смѣшать съ удареніемъ: въ этомъ отношеніи изысканія, предпринятія въ якутскомъ краѣ, могутъ тамъ или индѣ улучшить мое правописаніе.

II. Изъ присяги: Бу андагарбынъ алжатаммынъ, тугу сымьяппанъ (sic) кёрдөрөмъ, бютыаръ (sic) кирдигиттянъ тахсемъ, оноха кыранабынъ бѣлбишь: тылымъ кятяһпаръ тартынь, харагымъ бусъ буоллунъ, тылбаттапъ матымъ, илимъ атагымъ хамнабатышь, удогяхпинияшь сымымъ, Тоёнъ Тагара кёрдөрбөтүөнъ оёгумъ огомъ ютююпюнь, араганъ халымъ сесюбюттянъ оһъ дойду байттанъ, сыраимъ кяһһиларъ эргийдинъ и т. д. По моему правописанію: Бу андагарбын алжатаммын тугу сымьяппан кёрдөрүөм биатар кирдигиттан тахсыам, оһоһа кыранабын бәјәһин: тылым кәтәһпәр тарттын¹⁰³⁾, хараһым бүс буоллун, тылһыттан матһым, һһм, атаһым һамһабатын, үдүңәһпинәһ сһлһм, тојон таңара кёрдөрбөтүн ојоһум оһом үтүөтүн, араһан хәлһм сүөсүбүттән аһ дойду бәјыттан, сыраһым кәһһиләр әргийдін.

103) Глаголъ действительный здѣсь не имѣетъ смысла; кажется, должно бы быть тардылыһын.

III. Изъ сказки: Бирь сарсерда огоннеръ икки холлогосъ сага агасы ылащъ барбытъ у баса кѣпгя, бу утушъ басанъ баранъ кѣрѣ турбутъ сулусъ хамытынъ, бу турдагына арга декки этютю-тянъ тымны тѣль юрбюотъ, олъ тѣль кяниттягъ (sic) хара былыттаръ тахсыбыттаръ, олъ кяниттярь (sic) кялбитъ огусунанъ абасы, кютюръ улаханъ, бирь атаханъ, тегюсярь бирь илпяхъ, сюсюнь хаба ортотугаръ бирь тасъ тюннюкъ кордукъ харахтахъ, аягынь иеигярь агыяхъ тимиръ хоруръ кордукъ тистяхъ, басыгар агыяхъ тимиръ астахъ и т. д. По моему правописанію: бѣр сарсын ардѣ ¹⁰⁴) ошонор іккі холлогос сага ылащъ барбыт ¹⁰⁵) у баса кѣпкѣ; бу утушъ басанъ баранъ кѣрѣ турбутъ сулусъ хамытынъ; бу турдагына арға дѣккі ѳттүттѣнъ тымны тымалъ урбүт; ѳл тымалъ кяниттянъ хара былыттаръ тахсыбыттаръ; ѳл кяниттянъ кялбитъ огусунанъ абасы, кютюръ улаханъ, бѣр тахтахъ, тѳсүсүгар бѣр илпѣхъ, сүсүнъ хаба ортотугаръ бѣр тасъ туннукъ курдукъ харахтахъ, ажагынь иеигярь агыяхъ тимиръ харыръ курдукъ тистяхъ, басыгар агыяхъ тимиръ астахъ.

Собственно діалектическаго различія здѣсь незамѣтно; да и Уваровскій и Миддендорфъ рѣшительно увѣряютъ, что вездѣ, гдѣ только они были, Якуты говорятъ однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ. Впрочемъ, всматриваясь ближе въ собранія словъ и въ Миддендорфовы бумаги, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя согласныя выговариваются не вездѣ одинаково: такъ вмѣсто ч нерѣдко встрѣчается смягченное т, вмѣсто ц — смягченное д; въ нѣкоторыхъ краяхъ уподобленіе согласныхъ, можетъ быть, не достигаетъ той обширности, какъ представлено въ нашей Грамматикѣ.

104) Сложной формы сарсерда, нарушающей притомъ законъ гармоніи гласныхъ, Уваровскій не слыхивалъ.

105) Въ этой сказкѣ простое имя прошедшаго времени постоянно употребляется вмѣсто повѣствовательнаго времени.

О

ПРЕДВАРЕНІИ РАВНОДЕНСТВІЙ

И

КОЛЕБАНИИ ЗЕМНОЙ ОСИ.

АКАДЕМИКА Д. ПЕРЕВОЩИКОВА *).

Въ статьѣ «О предвареніи равенствій», напечатанной въ «Bulletin de la Classe physico-mathématique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, T. X. N° 7. 8», повѣрены фундаментальныя числа и объявлены общіе и строгіе способы для вычисленія прямыхъ восхожденій и склоненій звѣздъ для даннаго времени; слѣдственно вся эта статья есть чисто-практическая; изъ нея не видно, какимъ образомъ получаются формулы, требующія упомянутыхъ чиселъ, выводимыхъ изъ наблюдений; не видно также, что предвареніе равенствій подлежитъ періодическимъ возмущеніямъ, которыя называются *колебаніемъ земной оси*: осмѣливаюсь думать, что такое дополненіе къ упомянутой статьѣ будетъ не бесполезно и потому еще, что г. Пестеръ разсматривалъ колебаніе земной оси также съ одной практической стороны. Представляя это дополненіе на усмотрѣніе Физико-математическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, считаю обязанностью предупредить, что при его составленіи я старался какъ можно менѣе удалиться отъ Лапласа: я думаю, что сущность его способовъ навсегда останется неизмѣнною, и потому изученіе ихъ будетъ всегда не-

*) Читано въ засѣданіи I Отдѣленія 24 сентября 1852.

обходимо. Сдѣлать ихъ совершенно доступными — что не безъ затрудненій — значить содѣйствовать распространенію науки.

(f). Теоретическое изслѣдованіе предваренія равноденствій основывается на теоріи вращенія твердыхъ тѣлъ около точки. Ученый Поансо недавно изложилъ ее съ помощью теоремъ о дѣйствіи *паръ*, и чрезъ то, по его мнѣнію, избѣжалъ продолжительныхъ аналитическихъ исчисленій: но способъ безсмертнаго Эйлера, принятый Лапласомъ, не вводя въ механику *частнаго начала паръ*, можетъ также совершенно прямымъ, непродолжительнымъ и даже для знающаго формулы преобразованія координатъ элементарнымъ путемъ привести къ главнымъ формуламъ вращенія твердаго тѣла (1), что — осмѣливаюсь надѣяться — можно видѣть изъ нижеслѣдующаго изложенія.

Вращеніе твердаго тѣла около точки не можемъ понимать иначе, какъ предположивъ, что оно обращается около оси, которой положеніе измѣняется по истеченіи каждаго мгновенія; по этому вращеніе около точки Эйлеръ называетъ *вращеніемъ около подвижной или мгновенной оси*, такъ что прежде всего надобно показать, какимъ образомъ опредѣляется положеніе этой оси въ пространствѣ, и выразить угловую скорость вращенія. Чтобъ рѣшить эти основные вопросы, кромѣ общей системы прямоугольныхъ осей *x*-въ, *y*-въ, *z*-въ, вообразимъ внутри тѣла другія прямоугольныя оси, неподвижныя въ тѣлѣ, и проходящія чрезъ одно начало съ первыми, т. е. чрезъ точку, около которой обращается тѣло; положимъ, что плоскости *xy* и *x'y'* пересѣкаются подъ угломъ ω по линіи, составляющей съ осями *x*-въ и *x'*-въ углы ψ и φ , изъ которыхъ уголъ ψ совершенно произвольный. Между ординатами *x*, *y*, *z* и *x'*, *y'*, *z'* существуютъ извѣстныя уравненія, составленныя въ первый разъ также Эйлеромъ:

$$\left. \begin{aligned} x &= x'(\cos\omega \sin\psi \sin\varphi + \cos\psi \cos\varphi) \\ &\quad - y'(\cos\omega \sin\psi \cos\varphi - \cos\psi \sin\varphi) + z' \sin\omega \sin\psi, \\ y &= x'(\cos\omega \cos\psi \sin\varphi - \sin\psi \cos\varphi) \\ &\quad - y'(\cos\omega \cos\psi \cos\varphi + \sin\psi \sin\varphi) + z' \sin\omega \cos\psi, \\ z &= -x' \sin\omega \sin\varphi - y' \sin\omega \cos\varphi + z' \cos\omega. \end{aligned} \right\} (A)$$